

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

Передъ банкетомъ...

Парадъ кулиаровъ

(См. въ этомъ номерѣ очеркъ о «Русской кухнѣ»).

Национальная Лотерея

1934 года

Продажа цѣлыхъ билетовъ и частей всѣхъ 40 серий

Всѣ порученія въ Россію

Торгсинъ (3-8 дней съ обратной личной распиской)

Продукты, вещи новыя и ношенныя,
медикаменты и проч.

A. GODOVANNIKOFF

30, Quai de Passy, PARIS - 16^e
Téléph. JASMIN 01-50 - Métro: PASSY
Adr. Télégr.: Godovannikoff-Paris

RESTAURANT «CHEZ KORNILOFF»

6, Rue d'Armaillé, prolongement av. Carnot. Tél.: Etoile 52-49

Ф. Д. Корниловъ проситъ своихъ друзей и многоуважаемыхъ клиентовъ оказать ему вниманіе посѣщеніемъ его ресторана, гдѣ ихъ ждетъ радушный приемъ и изысканный столъ.

„МОСКВА“

Старѣйшій русскій ресторанъ въ Парижѣ
7, rue Rauquet (около Etoile), tél.: Passy 21-25.
Гостеприимно, обильно и вкусно

Завтраки — 3 блюда, вино, кофе и кувертъ 16 фр.

Обѣды — 4 блюда и кув. 18 фр. Цѣны à la carte понижены. Дир. Н. Борисовъ.

ВОТЪ ГДѢ КОРМЯТЪ!!!

РЕСТОРАНЪ «CHEZ MÈNE»

9, r. Général Lanrezac et 2, r. Arc de Triomphe, près de l'Av. M.-Mañ.

Во вновь расширенномъ и попрежнему уютномъ ресторанѣ

Вы найдете за 7 фр. prix-fixe, обильный выборъ вкусныхъ блюдъ.

Хозяйка Comtesse de Beaurepaire

Директоръ Саша Германъ.

Пансионъ Танагосъ

ДЗИНГАРИ, Единбургскій просп. д.з 11

РАСПОЛОЖ. ОКОЛО ДЮНЪ И ЛЪСА

Всѣ комнаты вновь отремонтированы.

Образцовая кухня.

Съ почтениемъ

Латвія.

Евгенія Танагосъ

КНИЖНОЕ ДѢЛО

Ш. МИЛЬШТЕЙНЪ, Кишиневъ

(Румынія)

Ген. предст. «Иллюстрированной Россіи».

Всѣ новинки русск. книжнаго рынка

Книги довоенныхъ изданій.

Списки книгъ — по первому требованію
S. Milstein, Chisinau, str. Stefan cel Mare, 146.

Banque Industrielle du Centre

85, rue Richelieu, Paris (2)

Tel.: Rich. 39-30

Старѣйшій банкъ по переводу денегъ въ Россію въ любой валютѣ.

Продовольств. посылки. Переводы и чеки на Торгсинъ. ПРОДАЖА БИЛЕТОВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛОТЕРЕИ, а также Лотерей освобожденныхъ областей: цѣлыми, четвертями и десятиными частями билета.

Русскій проспектъ по требованію.
КОРРЕСП. ПО-РУССКИ.

Книги **Е. Айсберга** перевод. на 13 яз.

«Теперь я понялъ радио» (попул. изд.)

Радио - техникка (теорія и практика)

Цѣна каждой книги — 15 фр.

Высѣл. налогъ, плат. по пол. 4 фр. марк.

Купившіе или заказав. одну изъ книгъ до 20 авг. по адр. **M-r Baliasny,**

78, Av. des Champs-Élysées, Paris

участвуютъ бесплатно въ розыгрышѣ билета Нац. Лот. 2 тр. № 92474, с. 28

ПОКУПКА ДРАГОЦѢНН. И ЖЕМЧУГА по наивысшимъ въ Парижѣ цѣнамъ. Починка и передѣлка.

KERESTEDJIAN, 38, rue de Trévise

Tél.: 89-69.

ПРОД. И ВЕЩ. ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ ДЕНЕЖН. ПЕРЕВОДЫ на Торгсинъ.

ЗЕМСКІЙ СОЮЗЪ

UNION DES ZEMSTVOS RUSSES

73, rue de la Victoire, Paris (9e); Tél.: Trinité 52-73 et 52-74.

Métro: Ch. d'Antin et Trinité.

Болѣютъ

И ПРЕЖДЕВРЕМЕННО СТАРѢЮТЪ ЧАСТО ТѢ, У КОГО КРОВЬ ЗАСОРЕНА ЯДАМИ НАРУШЕННАГО ОБЪѢМА (мочевой кислотой, уратами и пр.) Эти яды быстро растворяются и удаляются изъ организма ИЗВѢСТНЫМЪ ОЧИСТИТЕЛЕМЪ «КАЛЕФЛЮИДОМЪ Д. КАЛЕНИЧЕНКО», который одновременно насыщаетъ организмъ ЛЕЧЕБНО - ЭНЕРГЕТВОРНЫМИ ГОРМОНАМИ И ЖИЗНЕТВОРНЫМИ ВИТАМИНАМИ, ВОЗСТАНАВЛЮЮЩИМИ ЗДОРОВЬЕ, СИЛУ И ТРУДОСПОСОБНОСТЬ, и возрожденный организмъ опять пользуется всеми радостями здоровой жизни. Калефлюидъ УДОСТОЕНЪ ВЫСШИХЪ НАГРАДЪ 5 GRANDS PRIX и 5 БОЛЬШ. ЗОЛОТ. МЕДАЛЕИ.

БЕЗПЛАТНО требуйте у насъ брошюру: «Лѣченіе болѣзней и продленіе актив. жизни»

КАЛЕФЛЮИДЪ продается въ больш. аптекахъ или высѣл. налогъ, плат. по почте.

Пишите намъ по-русски: **Laboratoire E. «KALEFLUID», Leriche-Pharm.; 66, Boulev. Exelmans, Paris (16e);** Югославія: **Marcovitch, Петрова 8, Belgrad;** Румынія: **M. Tatarsky, str. Isvor 43, Bucarest.** Польша: **Варшава, D-r Fr. Wenda, Vronia 80.**

№ 38 (488)

15 Сентября 1934.

Цена отд. № 3 франка.

11-й годъ издания

Основ. М. П. Мироновъ

Редакция и Гл. Контора

24, Rue Clément-Marot

PARIS (8e)

Tél. Balzac 19-52

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

№ 38 (488)

15 Septembre 1934

Prix du numéro: 3 fr
11e année.

M. Mironoff, fondateur

Rédaction
et Administration

24, Rue Clément-Marot

PARIS (8e)

Tél. Balzac 19-52

Въ теченіе этого мѣсяца подписчикамъ съ приложеніями дразсылаются четыре книги «Литературныхъ приложений»: Н. В. Гоголя, кн. 43 и 44 и И. С. Тургенева, кн. 51 и 52.

Л. Ф. Волькенштейнъ

Леонидъ Андреевъ

Къ 15-лѣтію со дня смерти

Леонидъ Николаевичъ Андреевъ началъ свою литературную дѣятельность въ восьмидесятыхъ годахъ въ качествѣ судебного репортера въ газетѣ «Курьеръ», въ которой онъ также печаталъ небольшие рассказы, написанные хорошимъ языкомъ и интересные по содержанию.

Онъ недурно рисовалъ красками и пополнялъ свой скудный заработокъ писаніемъ портретовъ.

Видѣше Л. Н. быть очень красивъ. Стройный, хорошаго роста брюнетъ; тонкое лицо съ жгучими глазами, черная борода и роскошная шевелюра.

Носилъ онъ шелковую, яркаго цвѣта, кофеворотку на выпускъ, подпоясанную серебрянымъ пояскомъ-тесемкой, фиддевку и высокіе лакированные сапоги.

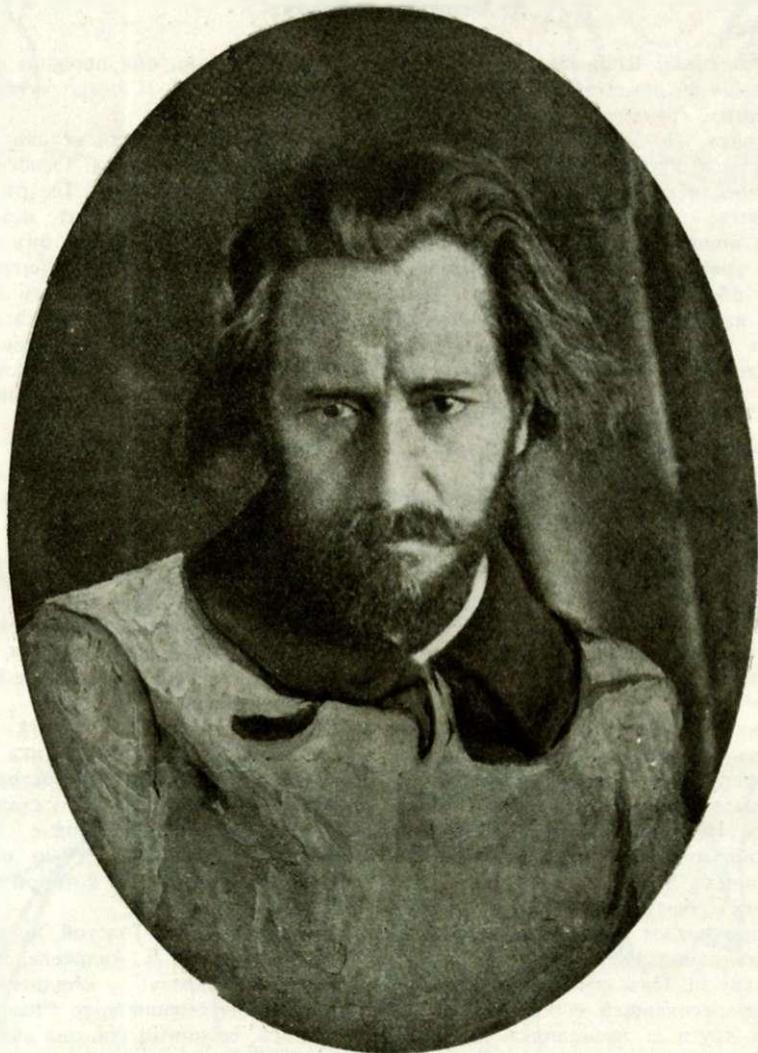
Видѣнность его была совсѣмъ не писательская.

Въ молодости онъ дѣлалъ свою красоту, думалъ о ней.

Въ позднихъ дневникахъ его записано воспоминаніе: — «...Патлы въ напашку, въ вышитой рубахѣ иду по Очному мосту (въ Орлѣ) и смотрю на мелькающіе носки собственноручно начищенныхъ сапогъ... И сапоги красивы, и самъ я красивъ, а навстрѣчу плывутъ тоже молодцы и красавцы... И въ каждую я влюбленъ, и каждая смотритъ на меня, но глаза у меня внизъ, или прямо передъ собою и видъ строгъ. Отъ застѣнчивости и самолюбія, отъ полнаго чувства, что я красивъ и на меня смотрятъ. Вѣроятно, я былъ очень красивъ, объ этомъ сочинялись мѣстные легенды. Потомъ... несъ свою красоту на домашнюю Пушкинскую улицу и чувствую съ каждымъ шагомъ, какъ все болѣе и болѣе нужною становится эта красота...»

Приблизительно въ 1901 г. Л. Н. выпустилъ первую книжку своихъ рассказовъ, которую критика встрѣтила съ большимъ одобреніемъ. Создался и кругъ читателей, полюбившій творчество молодого беллетриста-писателя.

Вскорѣ послѣ этого были напечатаны раз-

ЛЕОНИДЪ НИКОЛАЕВИЧЪ АНДРЕЕВЪ

сказы его «Бездна», который вызвалъ бурю осужденія однихъ и страстную защиту другихъ.

Жена Л. Н. Толстого — Софья Андреевна помѣстила въ «Новомъ Времени» негодующее письмо, въ которомъ огмѣтила безнрав-

Артисты «Музыкальной Драмы» въ гостяхъ у Л. Андреева въ Финляндіи (Слѣва направо): Е. Г. Ольховскій, М. С. Давыдова, Л. Н. Андреевъ, Я. С. Левитанъ, старшій сынъ Л. Андреева — Вадимъ.

ственность разсказа. Широкая публика обратила вниманіе на протестъ, исходящій изъ «Ясной Поляны». «Бездна» нашумѣла, ее читали нарасхватъ, Л. Андреевъ сталъ популяренъ. Газеты и журналы съ большимъ интересомъ отнеслись къ его литературнымъ произведеніямъ, охотно помѣщали ихъ и онъ быстро вошелъ въ первые ряды писателей того времени, сталъ извѣстнымъ и матеріально обеспеченнымъ.

Какъ всѣ настоящіе художники Л. Андреевъ творилъ прежде всего для самого себя, не думая кто и что скажетъ по этому поводу.

Большой успѣхъ вызвалъ въ немъ творческій подъемъ, кипучую дѣятельность и онъ писалъ много и разнообразно.

Л. Андреевъ не ограничивался творчествомъ беллетриста. — Все, казавшееся ему существеннымъ, интереснымъ въ государственной и общественной жизни, увлекало его, захватывало и у него являлась непреодолимая потребность подѣлиться своими волненіями, переживаниями въ самыхъ разнообразныхъ литературныхъ произведеніяхъ.

Его интересовало все, ему хотѣлось обнять все во всѣхъ мірахъ и царствахъ природы.

Это непрерывное горѣніе, постоянная снѣшка отзывались на содержаніи и качествѣ работъ. Несомнѣнно сказывается и недостатокъ образованія, знаній при разработкѣ отвлеченныхъ темъ.

Л. Андреевъ былъ на рѣдкость независимъ, не подчинялся влияніямъ, не боялся обвиненій въ самонадѣянности, въ отсталости, въ безвкусицѣ. Онъ свободно слѣдовалъ за своей интересовавшей его мыслью.

Большаго друга и помощника въ своей работѣ Л. Н. нашель въ лицѣ своей первой жены Александры Михайловны. Близкій къ семьѣ Андреевыхъ В. Вересаевъ говоритъ:

— Лучшей писательской жены и подружьи я не встрѣчалъ. Она съ безконечною любовью и заботливостью охраняла условия жизни своего мужа, его талантъ, его творчество.

Къ несчастью, она прожила недолго. После ея смерти Л. Н. остро чувствовалъ свое одиночество.

Замыслы Л. Н. были велики, но исполненіе было недостаточное. Особенно это чувствовалось въ пьесахъ. Театръ увлекъ его съ особенной силой. Онъ искалъ новыхъ путей и ему казалось, что онъ нашель ихъ. Онъ мечталъ о театрѣ, насыщенномъ психологическимъ дѣйствіемъ. Онъ считалъ, что лучший въ Россіи Художественный театръ уперся въ тупикъ и предсказывалъ гибель этому театру, такъ какъ Чеховскій театръ съ его психологической утонченностью оживаетъ свой вѣкъ.

Отдавшись писанію трагедій и направлению театра по новому пути, Л. Н. написалъ: «Анатѣму», «Жизнь человѣка», «Собачій вальсъ», «Тотъ, кто получаетъ пощечины», «Самсонъ въ оковахъ» и еще, и еще. Кое-что ставилось въ театрѣ, многое возвращалось.

Его пьесы раздражали широкую публику, которая многого не понимала, возбуждали страстные споры и враждебные толки читателей и зрителей.

И въ литературной судьбѣ Л. Андреева наступилъ переломъ. Критика, въ первые десять лѣтъ, пѣвшая ему восторженные хвалы, охладѣла къ нему. Его стали низвергать съ высоты. Каждое новое произведеніе встрѣчало болѣею частью отрицательное отношеніе критики, за которой пошли широкие круги читателей.

Когда же Л. Н. Толстой, по поводу нѣкоторыхъ писаній Л. Андреева, сказалъ свою знаменитую фразу: — «Андреевъ пугаетъ, а читателю не страшно», то фразу эту подхватили всѣ, ее повторяли, она явилась сильной критикой. — И когда была поставлена трагическая пьеса «Черныя маски», то зрители съ насмѣшкой, а иные съ озлобленіемъ, повторяли: «а мнѣ не страшно».

О томъ, какъ критики писали въ то время объ Андреевѣ, просто жутко разсказывать. По этому поводу А. Кипень пишетъ:

Послѣ появленія «Жизни человѣка», Буренинъ выступилъ въ «Новомъ Времени» съ такимъ фельетономъ, который по своей грубости и безстыдству превзошелъ все, что когда-либо было написано литературными хулиганами со времени открытія книгопечатанія.

О Л. Андреевѣ заговорили небрежно, развязнымъ, обиднымъ тономъ, какъ о человѣкѣ къ суетному, тщеставному, склоннымъ къ рисовкѣ, къ театральности, къ публичному позерству.

Все это было и несправедливо, и жестоко. Сохранившееся письмо, посланное Л. Андреевымъ Льву Николаевичу Толстому, показываетъ, какъ искрененъ и скромнъ былъ Л. Андреевъ, честно относившійся къ своимъ писаніямъ, къ своему творчеству, безъ самоиѣнія и рисовки, сознавая свое несовершенство во многомъ.

Приводимъ полностью это письмо-исповѣдь:

12 августа 1908 г.

Глубокоуважаемый

Левъ Николаевичъ,

«У» меня есть «Разсказъ о семи повѣщенныхъ», который я очень хотѣлъ бы посвятить Вамъ и прошу на это Вашего добраго согласія. Сейчасъ разсказъ напечатанъ въ «Альманахѣ», а съ 1-го января 1909 года я отказываюсь отъ права авторской на него собственности, предоставляю издавать его всякому желающему.

«Я хорошо знаю крупныя художественныя недочеты разсказа, во многомъ самъ рѣшительно имъ недоволенъ и въ оправданіе свое могу привести только то, что я былъ нездоровъ, когда писалъ, и очень торопился. Думаю, что пусть лучше художественныя недостатки, но выпустить теперь же, такъ какъ молчать нельзя. И если сейчасъ осмѣливаюсь просить о разрѣшеніи посвятить разсказъ Вамъ, то лишь потому, что полная искренность лежитъ въ основѣ его. Съ глубокой болью писать я, и не разсказъ, который плохъ, а свою боль приношу Вамъ, человѣку, всю жизнь мою, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, стоявшему надо мною, какъ воплощеніе совѣсти и правды.

«Я знаю, глубокоуважаемый Левъ Николаевичъ, что многое изъ написаннаго мною счесть не правится Вамъ, и я знаю, что во многомъ Вы совершенно правы. Но силы мои ограничены, я часто не могу, не умѣю избавиться отъ недостатковъ письма, которые для меня очевидны, — повидимому, въ самомъ существѣ моемъ коренятся они и также неотъемлемы, неисправимы, какъ голосъ. Все-же я непрестанно борюсь съ ними, ибо слишкомъ часто они затмеваютъ то самое дорогое для меня, важное, что такъ важно и для Васъ — искренность. Но въ своихъ вещахъ я не былъ неискреннимъ, и только это даетъ мнѣ право обратиться къ Вамъ съ этимъ письмомъ и просить Васъ о снихожденіи къ человѣку, который такъ любитъ Васъ и чтить, и если не дѣлаетъ всего, что нужно, то лишь по недостатку силъ.

Обычай требуетъ, чтобы въ концѣ, передъ фамиліей, поставилъ какое-то слово, которое говоритъ объ отношеніи, но я не могу найти ни одного такого слова, которое вполне бы выразило, какъ я люблю Васъ и что значите Вы для меня. —

Леонидъ Андреевъ».

Таковъ былъ подлинный обликъ Л. Н. Андреева. И особенно грустно, что критики, говоря о несовершенствѣ и недостаткахъ твореній Л. Андреева, считали почему-то несходимымъ и возможнымъ порочить его, уличать его достоинство, какъ человѣка.

РАЗГОВОРЪ

Рис. Mad'a.

— Рускіе разобьютъ японцевъ въ пухъ и прахъ!
— Ну, это еще неизвѣстно. Я увѣренъ, что японцы побьютъ русскихъ.

— Какъ? Вы желаете побѣды японцамъ?
— Да. Говорю откровенно: да! Пораженіе Россіи вызоветъ народное возмущеніе, и русскій народъ, наконецъ, сброситъ съ себя цѣпи, которыя...

— Это возмутительно! А что вы скажете, если придется отдать японцамъ часть русской территоріи?
— Скажу, что, если этой цѣной можно купить свободу русскаго народа, то...

Дорогой читатель! Не волнуйтесь и успокойтесь: здѣсь приведенъ разговоръ, происходившій очень давно, много лѣтъ тому назадъ: въ 1904 г.

А для того, чтобы Вамъ было ясно, кто что говорилъ, мы здѣсь добавимъ, что толстый господинъ былъ противъ побѣды японцевъ, а тотъ, что въ пенснѣ съ тесемочкой — за нее.

ДАЧА Л. АНДРЕЕВА ВЪ ФИНЛЯНДИИ

Отъ этой травмы онъ срадалъ жестоко, его лишали нужнаго покоя. Онъ съ озлобленіемъ говорилъ о критикахъ и даже напечаталъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» довольно странную статью, въ которой упрекали критиковъ въ томъ, что они не цѣнятъ и не берегутъ родныхъ талантовъ.

Онъ продолжалъ работать. Всѣ его новыя произведенія интриговали широкую публику, и его «жуткія писанія» возбуждали страстныя обсуждения. Разумной критики не было, — она не хотѣла считаться съ тѣмъ, что Л. Андреевъ иначе писать не могъ, что все имъ написанное является его достиженіемъ, переживаніемъ, творчествомъ. Бурно-пламенный Л. Андреевъ не сдавался, продолжалъ слѣдовать по намѣченному имъ пути и его «тягостныя трагедіи» наводили на многихъ «уныніе». Такъ объ этомъ говорила критика.

И все же его читали. Его пьесы ставились въ столицахъ и въ провинціи. Ихъ смотрѣли, онѣ волновали, вызывали споры и хлесткая критика не унималась.

Проходили годы. Л. Н. женился вторично и всей душой отдался семьѣ. Онъ окончательно обосновался въ Финляндіи, гдѣ выстроилъ для себя и для семьи обширную дачу съ видомъ на море, которое онъ такъ любилъ. Благосостояніе его не уменьшалось. Работалъ онъ, по обыкновению, много.

Было время, когда онъ былъ очень друженъ съ Горькимъ и они совмѣстно работали въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Дружба эта оборвалась, — они разошлись.

Л. Н. Андреевъ сталъ хворать. Не безъ грусти нужно упомянуть, что у него былъ тяжелый, наследственный недугъ — онъ пилъ и отъ времени до времени запой сталъ тяжелые, затяжные.

Въ 1914 году онъ писалъ одному изъ своихъ друзей:

— Я усталъ отъ жизни, отъ переживаній, связанныхъ съ заботами. Половина моей души всегда погружена въ ночь, въ сумерки; во мнѣ много всякой боли. И любовь, которую я хочу, должна быть легка и свѣтла;

можетъ быть, это плохо, но я уже начинаю экономить силы, не могу и не хочу ничего отдавать въ эту сторону, хочу только брать. Чувство, связанное съ душевной борьбой, съ протестами совѣсти, съ дисгармоніей вѣшнихъ и внутреннихъ отношеній враждебно мнѣ, моей работѣ и жизни, — оно не можетъ и не должно существовать. Какъ солдатъ, который половину жизни сидитъ въ окопахъ, вторую половину я хочу имѣть беззаботной и свѣтлой, избавленной отъ душевныхъ заботъ, ответственности, раздумій и колебаній...

Осуществить эту мечту ему не пришлось. Тяжкая война захватывала жизнь. Въ концѣ 1916 года Л. Н. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ отдается газетной работѣ въ «Русской Волѣ». Ему казалось, что его имя создастъ руководящую газету. Но онъ не нашелъ нужныхъ для этого сотрудниковъ. Многие изъ писателей, къ которымъ онъ обращался за сотрудничествомъ, не вошли въ газету. Личныя статьи Л. Н. были интересны и полны страха за Россію. Онъ работалъ много. Наступилъ 1918 годъ. Печальныя событія развертывались съ чудовищною быстротой.

Л. Андреевъ, обезсиленный газетной работой и тяжелыми переживаниями, боясь за судьбу своей семьи, переѣхалъ къ себѣ въ Финляндію, гдѣ надѣялся найти нѣкоторый покой.

До послѣднихъ дней своей жизни Л. Н. Андреевъ велъ дневникъ, изъ котораго мы приводимъ нѣкоторыя записи:

8 Сентября 1919 года, вечеръ. Мустоямки. Выгнали изъ Тюрисева аэропланы и бомбы. Одинъ налетъ былъ какъ разъ наканунѣ нашего прѣзда, и тогда же рѣшили уѣхать сюда. Но ночью я раздумалъ и отправилъ только часть семьи; захотѣлось испытать свою судьбу; тутъ же я и заболѣлъ... И вчера въ 3 1/2 ночи — налетъ. Не буду рассказывать: такъ все это отвратительно въ мѣрѣ, такъ невыносимо скучно жить, говорить, писать, что не хватаетъ силы и желанія написать хоть нѣсколько строкъ. Для кого? Зачѣмъ?

9 сентября. То, что можно назвать настоящимъ отвращеніемъ къ жизни. Все, въ чемъ есть малѣйшій намекъ на глупость или уродство, вызываетъ отвращеніе, чувство порою физической тошноты... Если душа дастъ, можно будетъ работать и приготовиться къ Америкѣ.

10 Сентября... Гудятъ. Еще все было, какъ всегда, еще оставалась грань, которая отдѣляетъ простое, обычное, вседневное отъ чего-то иного, чего мы не знаемъ. И вдругъ справа огромный, гудя и короткій удар-разрывъ. Черезъ пять минутъ — второй, такой же огромный, гудя и короткій. Анна (жена) суетится по комнатѣ, шепчетъ: «Боже мой, Боже мой, что же это, что же дѣлать? И, вотъ, этотъ переходъ изъ сферы обычнаго въ сферу иного и былъ самымъ разительнымъ чувствомъ. Третій разрывъ. Я успокаиваю: «Не бойся, это на горѣ...» Но стало спокойнѣе, кончилось необычное, и все уже сводится къ ожиданію, къ расчетамъ и случайности... Всѣ легли спать, заснула и Анна. Надъ моремъ розовѣли облачка, стало свѣтло, широко и просторно. А я до утра не могъ заснуть: все думать, представлять и грезить необычайнымъ: какъ они гудѣли — и первый ударъ — и какъ свершилось то, что ожидалось.

12 сентября 1919 года Леонидъ Николаевичъ скончался. Ушелъ писатель, несомнѣнно талантливый и талантъ его не укладывался въ какія-либо художественныя рамки. Его мироощущеніе было своеобразно и онъ проявлялъ его въ своемъ творствѣ, въ своихъ писаніяхъ, непонятныхъ многимъ.

Л. Ф. Волькенштейнъ.

НА ШИПКѢ

(Отъ спец. кор. «Ил. Рос.»)

Обременная наследіемъ Европейской войны (репарации), переживая особенно остро экономической и финансовый кризисы — Болгарія не имѣла возможности своевременно и въ полной мѣрѣ, согласно намѣченной программы отмѣнить знаменательную юбилейную дату пятидесятилѣтія своего освобожденія.

Вотъ почему на протяженіи почти цѣлаго десятилѣтія (съ 1927 г.) мы наблюдаемъ въ разныхъ мѣстахъ Болгаріи, тѣмъ или инымъ связаннымъ съ историческими событіями времени освободительной войны, особая торжества и празднества.

Официально празднованіе 50-тилѣтія освобожденія Болгаріи съ 1927 года было перенесено на 29 годъ и соединено съ празднованіемъ тысячелѣтія со дня царствованія болгарскаго царя Симеона.

При празднованіи въ настоящемъ году на Шипкѣ, рускому Царю Освободителю и рускому воину, и рускому народу воздавалось должное и выражалось вниманіе и признательность.

Шипка одна изъ блистательнѣйшихъ страницъ освобожденія Болгаріи.

Въ Шипкинскіе дни обезсмертили свои имена воины — крестоносцы: русскій солдатъ и офицеръ и руководимые послѣдними, первые болгарскіе солдаты — героикоополченцы, ядро будущей болгарской народной арміи. Шипку воспѣли въ своихъ пѣсняхъ и русскіе и болгарскіе поэты, Шипкѣ посвятили немало страницъ и русскіе, и болгарскіе беллетристы во главѣ съ Вас. Ив. Немировичемъ-Данченко, живымъ свидетелемъ и участникомъ шипкинской эпопеи; Шипку, наконецъ, зафиксировали красками художники двухъ братскихъ народностей съ безсмертнымъ нашимъ Верещагинымъ.

Отмѣнить Шипку — было завѣтной мечтой

Памятникъ Свободы на горѣ Св. Николая

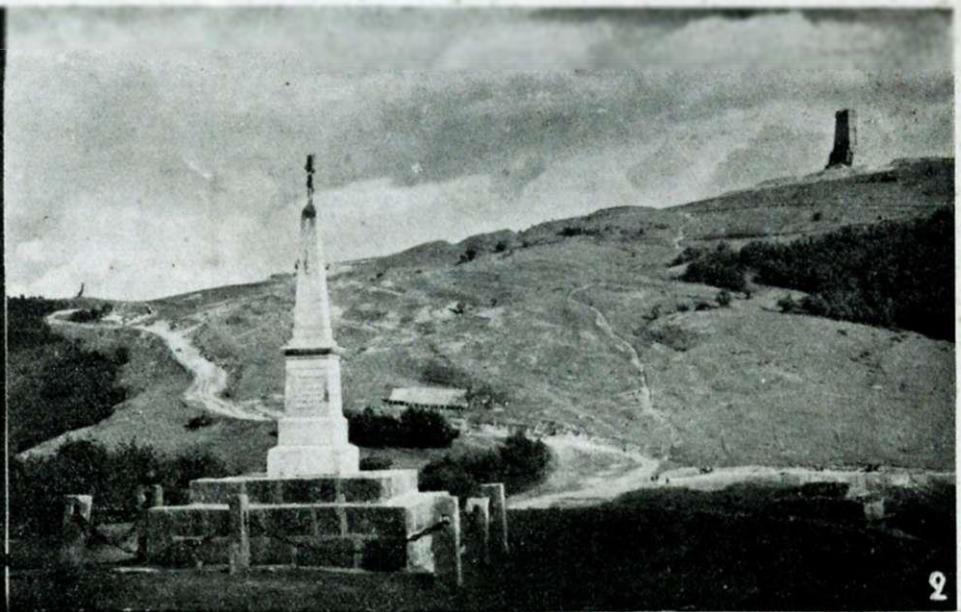
и Царя Освободителя Александра II-го. Его мечта, какъ извѣстно, осуществилась лишь спустя четверть вѣка — у подножья шипкинскаго прохода Россіей воздвигнутъ великолѣпный храмъ — памятникъ, около котораго въ дни русскаго лихолѣтя нашли себѣ пріютъ изгнанники: наши воины инвалиды. Сейчасъ Шипку въичають новымъ памятникомъ.

Благородное потомство, освобожденный болгарскій народъ, въ самомъ сердцѣ шипкинскаго прохода, на 1334 метровой высотѣ — на горѣ «Св. Николая», ушедшей своимъ скалистымъ остеремъ («Орлово гнѣздо») подъ самое небо — соорудилъ «Памятникъ Свободы — массивную башню-маякъ.

Памятникъ производитъ величественное впечатлѣніе своей сорокаметровой высотой, оригинальной архитектурой (авторъ талантливый болг. архитекторъ Ан. Дончевъ и скульпторъ А. Андреевъ) и материаломъ, изъ котораго онъ сдѣланъ, послужилъ.

мѣстный дикій обгесанный камень, нѣкогда обильно орошенный русской и болгарской кровью... Да, пожалуй, еще «оригиналенъ» онъ и гѣми средствами, на которыя построены — главная часть ихъ собиралась въ теченіе долгихъ лѣтъ среди дѣтей — учениковъ основныхъ училищъ и гимназій, а также въ казармахъ среди молодыхъ солдатъ — молодое поколѣніе своимъ отцамъ и дѣдамъ!

Внутри памятника помѣщается небольшая церковка и саркофагъ съ костями погибшихъ защитниковъ Шипки, собранными съ братскихъ могилъ въ окрестностяхъ Шипки. Снаружи памятникъ украшенъ громадной бронзовой фигурой льва (скульптора А. Андреева), символизирующей освобожденную Болгарію.

1. Памятникъ Свободы на горѣ Св. Николая, недавно торжественно открытый. 2. Памятникъ въ память освобожденія въ Шипкинской долині. 3. Храмъ - памятникъ, воздвигнутый Россіей у подножья Шипкинскаго прохода.

Въ августѣ 25-26-го состоялись на Шипкѣ большія торжества по случаю освященія памятника. Присутствовать Царь Борисъ III, его братъ, князь Кирилль, всѣ министры, дипломатическій корпусъ, ветераны Освободительной войны, какъ болгары, такъ и русскіе, культурныя и патриотическія организація при массовомъ (60.000 ч.) стеченіи болгарскихъ гражданъ.

Чинъ освященія памятника совершалъ Старо-Загорскій митрополитъ Павелъ и управляющій русской епархіей въ Болгаріи еп. Серафимъ.

При открытіи памятника Царь Борисъ произнесъ блестящую рѣчь, въ которой Русско-Турецкую войну за освобожденіе Болгаріи назвалъ дѣломъ безпримѣрнаго въ исторіи народовъ великодушія, а Царя-Освободителя помянулъ какъ «благороднаго Рыцаря».

Царская рѣчь временами прерывалась пушечными салютами съ сосѣднихъ шипкинскихъ вершинъ. Царь Борисъ возложилъ на памятникъ вѣнокъ отъ имени всего болгарскаго Народа. Затѣмъ послѣ соответствующихъ рѣчей вѣнки возложили премьеръ-министръ К. Георгіевъ, военный министръ Златевъ и др. Среди многочисленныхъ вѣнковъ выдѣлялся своимъ изяществомъ и скромно-

стью вѣнокъ-доска, возложенная отъ имени Русскаго Обще-Воинскаго Союза генераломъ Ф. Ф. Абрамовымъ.

Болгарія.

Вал. Сосѣдовъ.

**ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ
ВЪ МОЖЕТЕ:**

НАЧНУТСЯ ПЕЧАТАНІЕМЪ,
впервые на русскомъ языкѣ,
**Письма ЕКАТЕРИНЫ II
къ ПОТЕМКИНУ**

съ очерками А. Кашиной.

КАКЪ БЫЛЪ СПАСЕНЪ

Князь Гавриль Константиновичъ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ*)

— Перестаньте глумиться, господинъ Урицкій. Я пришла, чтобы спасти моего мужа, а вы предлагаете мнѣ подписать ему смертный приговоръ. Я отлично понимаю, что стоитъ мнѣ только подписать такую бумагу, какъ мой мужъ будетъ убитъ. Я прошу и умоляю васъ положить, какъ вы сдѣлали съ Брасовой, моего мужа въ лечебницу, но безъ стражи.

— Нѣтъ, я этого не сдѣлаю, — отвѣтили онъ мнѣ. — Брасова, какъ я убѣдился, не повинна въ обѣствѣ Михаила Романова, потому я ее держу въ больницѣ на свободѣ. Вашъ же мужъ арестованъ и долженъ отправиться въ тюрьму.

Когда онъ произнесъ слово «тюрьма», — я почувствовала, какъ холодъ пробѣжалъ по моей спинѣ. Мужъ мой во время этого діалога сидѣлъ молча. — Я просила его не говорить. Видя, что всѣ мои попытки спасти мужа не даютъ положительныхъ результатовъ, я застыла въ ужасѣ. Наступившее молчанье, вдругъ, прервать скрипучій голосъ Урицкаго:

— Да, между прочимъ, — обратился онъ ко мнѣ, — вы засвидѣтельствовали свой бракъ по большевизки? Вашъ церковный бракъ для насъ не дѣйствителенъ... Я вамъ совѣтую пойти къ моему нотаріусу и тамъ это сдѣлать, а затѣмъ я пошлю къ вамъ конфисковать все ваше имущество и забрать романовскія деньги... Нашъ народъ еще обогатится!..

Какъ вамъ не стыдно смѣяться! — воскликнула я. — Что вы можете еще взять?.. Брать съ меня нечего. Сегодня вы берете самое послѣднее и дорогое для меня — моего мужа...

Слезы брызнули изъ моихъ глазъ.

Скажите, гдѣ мои братья, посланные въ Вятку? — спросила Урицкаго мой мужъ.

Всѣ понесли должное наказание и очевидно разстрѣляны, — отвѣтилъ спокойно Урицкій.

А моя свояченица, Елена Петровна Сербская?

Тоже не избѣжала своей участи, — прогнусавилъ этотъ извергъ.

Воспользовавшись начатымъ разговоромъ, я еще разъ попыталась просить Урицкаго сжалиться надъ моихъ больнымъ мужемъ

*) См. №№ 35, 36 и 37 «И. Р.»

и помѣстить его въ клинику, но получила категорическій отказъ.

— Я вамъ только могу предложить выбрать тюрьму: Кресты или Предварительное Заключение на Шпалерной.

Мужъ мой самъ долженъ былъ выбрать себѣ тюрьму! При этой мысли мозгъ холодѣлъ, замирало сердце.

Мы съ мужемъ начинаемъ выбирать тюрьму. Сначала мы узнаемъ, что въ Крестахъ хорошая больница, но потомъ намъ сообщаютъ, что въ Предварительномъ Заключеніи находятся всѣ дяди моего мужа, великіе князья: Дмитрій Константиновичъ, Павелъ Александровичъ, Николай Михайловичъ и Георгій Михайловичъ. Тогда мы рѣшаемъ, что мой мужъ поѣдетъ въ Домъ Предварительнаго Заключенія на Шпалерную.

Урицкій вызвалъ комиссара этой тюрьмы.

— По какимъ днямъ и сколько разъ я могу бывать у мужа — спросила я Урицкаго.

— Хоть каждый день, — отвѣтилъ онъ.

Вошелъ комиссаръ тюрьмы — противный, грязный типъ — и началъ писать какую-то бумагу.

— Въ какие часы я могу бывать у мужа? — задала я вопросъ комиссару.

— Разъ въ недѣлю, — гаркнулъ онъ на меня.

— Что!? — заволновалась я, — Урицкій разрѣшилъ каждый день.

— Ничего подобного, — опять завопилъ комиссаръ. — Получайте разрѣшение бывать два раза въ недѣлю.

Урицкій, стоявшій тутъ-же, прогнусавилъ:

— Хватитъ съ васъ два раза въ недѣлю.

Дальнѣйшіе разговоры ни къ чему не привели. Нужно было примириться.

Пока они писали, мы съ мужемъ сидѣли, смотря другъ на друга, глазами полными слезъ, не будучи въ силахъ примириться съ предстоящей разлукой и тѣмъ несчастьемъ, которое выпало на нашу долю. Никогда не забуду этихъ минутъ! Въ мысляхъ вихремъ пронеслись всѣ пять лѣтъ нашей тихой, беззаботной жизни, полной любви и согласія. И теперь этотъ леденящій кровь ужасъ — тюрьма, можетъ быть, ссылка, а можетъ быть, и разстрѣлъ! Мы сидѣли, держа другъ друга за руки... Безысходное горе томилъ насъ. Какъ тяжело было сознавать эту убійственную дѣйствительность и беспомощность... Въ это время кто-то вошелъ въ комнату.

— Романовъ, идите! — услышали мы голосъ Урицкаго.

— А его доvezутъ? — спросила я.

— Разъ я вамъ сказать, что я его везу въ тюрьму, такъ значитъ не на разстрѣлъ.

Сперва я не могла сообразить, что мнѣ отвѣтилъ Урицкій, но потомъ поняла.

— Я васъ спрашивала, поедетъ ли онъ въ тюрьму пѣшкомъ или его повезутъ?

— Ахъ такъ!.. Онъ поѣдетъ на автомоби-

лѣ, — отвѣтилъ Урицкій.

Въ это время подошелъ къ мужу какой-то типъ съ винтовкой и повелъ его въ другую комнату. Я пошла за нимъ и стала просить, чтобы мнѣ разрѣшили доѣхать до тюрьмы. Мнѣ отказали. Въ слѣдующей комнатѣ насъ окружило человѣкъ пятнадцать вооруженныхъ матросовъ. Я думала, что они начнутъ надъ нами издѣваться. Но они вели себя прилично. Насъ буквально «оторвали другъ отъ друга. Мужа увели. Я бросилась за нимъ, и вся въ слезахъ, въ послѣдній разъ, обняла его и благословила. Постоявъ минуту на мѣстѣ, ничего не видя изъ за слезъ, я безсознательно пошла къ выходу.

При выходѣ изъ Чека, мы спросили у солдатъ, откуда вывозятъ арестованныхъ. Намъ указали на сосѣднія ворота. Мы направились туда, и я увидѣла, какъ съ двумя вооруженными солдатами проѣзжалъ мой мужъ. Автомобиль едва не заѣлъ меня. Я стала бѣжать за автомобилемъ, что-то шепча, крича и спотыкаясь. Вдругъ, увидѣла, что автомобиль остановился. Бросилась и обняла еще разъ своего мужа...

Остановилась ли машина сама, или же у шофера заговорили человѣческія чувства и онъ остановился умышленно, чтобы дать намъ возможность еще разъ проститься, я не знаю, но этотъ моментъ почему-то сильно врѣзается у меня въ память.

Я едва добрела до извозчика. Оказалось, что мы съ мужемъ провели на Гороховой четыре часа...

Какъ я могу передать словами все то, что я чувствовала и переживала. Да есть ли слова, которыя могли передать эту ужасную дѣйствительность? Слово такихъ нѣтъ! У меня отняли все самое дорогое, самое близкое, опияли то, чѣмъ я жила...

Ужасъ щемилъ мнѣ сердце. Жуткое отчаяніе овладѣло мною. Бросившись на кровать, я зарыдала... Но мысль о мужѣ не оставляла меня ни на минуту. Вскочивъ, я начала собирать ему пужныя вещи: бѣлье, подушки, ѣду и т. д. Все это отправила съ горничной на Шпалерную, въ тюрьму. Затѣмъ, собравъ послѣднія силы, я отправилась къ Вел. Кн. Елизаветѣ Маврикіевнѣ, матери моего мужа, чтобы рассказать ей о нашемъ общемъ горѣ...

Мы долго, молча, плакали... Никто друга друга лучше не понимаетъ въ такихъ случаяхъ, какъ жена и мать...

Я вернулась домой поздно вечеромъ, усталая, разбитая физически и нравственно, со страшной головной болью. Меня уложили въ постель. Какъ сквозь сонъ, слышала, что у насъ дома было много людей: родственники и знакомые пришли выразить свое сочувствіе, но я никто не видѣла и ничего не сознавала. Одна мысль, что мужа нѣтъ, — онъ въ тюрьмѣ, не давала мнѣ покоя. Всю ночь я не спала, иногда забывалась на минуту, но что-то тяжелое начинало давить

Сегодня ПЕРЕДЪ ЁДОЙ
ВЕЧЕРОМЪ
ПИЛЮЛЮ

GRAIN de VALS
СЛАБИТЕЛЬНОЕ, СПОСОБСТВУЮЩЕЕ
ПОХУДѢНІЮ, РАСТИТЕЛЬНОЕ
И ОПОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ.
РЕЗУЛЬТАТЪ ЗАВТРА УТРОМЪ.

миѣ на сердце, и я открывала глаза...

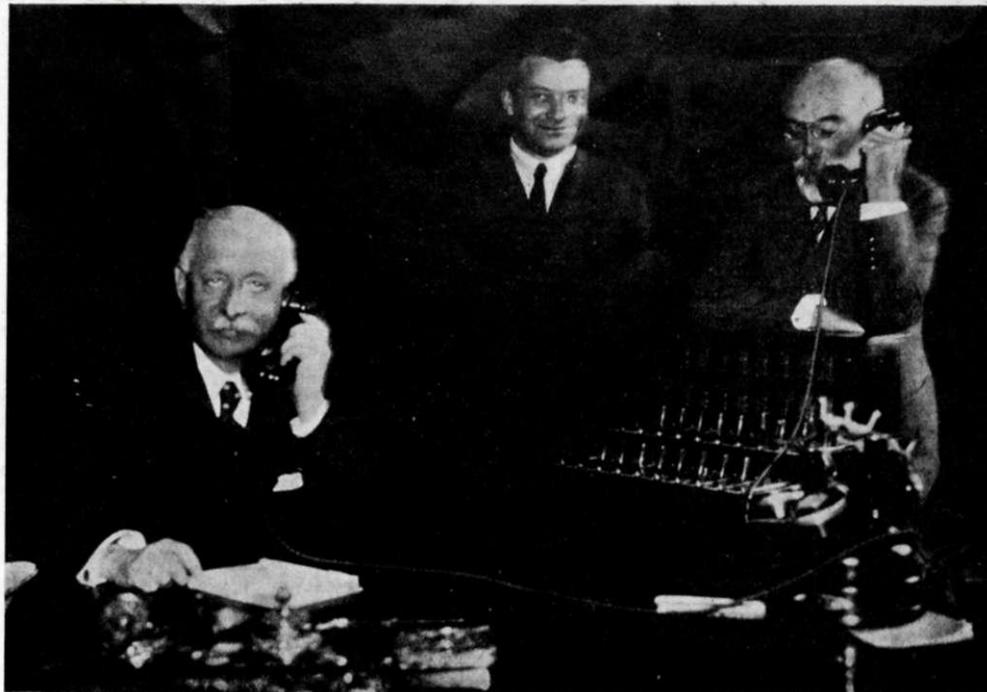
На утро, вскочивъ чуть свѣтъ, я начала обдумывать, что миѣ нужно дѣлать и къ кому бѣжать. Я рѣшила ѣхать на Гороховую къ Б. Позвонивъ по телефону и получивъ разрѣшеніе прѣхать, я немедленно отправилась туда. Опять прошла по лѣстницѣ, уставленной пулеметами и солдатами и вошла въ столовую-приемную. Здѣсь у меня явилась мысль, во что бы то ни стало, повидать Урицкаго. Пославъ ему листокъ бумаги съ моей фамилией, я ждала, но скоро получила отказъ въ пріемѣ. Тогда я сама безъ доклада вошла въ кабинетъ Урицкаго. Онъ очень грубо велѣлъ миѣ уйти, сказавъ, что намъ не о чемъ разговаривать. Не теряя надежды съ нимъ переговорить, я узнала, что у него въ кабинетѣ имѣется вторая входная дверь и, не долго думая, вошла вторично безъ доклада къ этому извергу въ кабинетъ. Онъ былъ ошеломленъ моей назойливостью, но и вторично не пожелать со мной разговаривать. Третьей двери, къ сожалѣнію, не было, а въ двѣ предыдущія меня уже не пускала стража. Тогда я рѣшила направиться къ Б. Написавъ свою фамилию, я послала черезъ сторожа записку съ просьбой принять меня. Каково же было мое удивленіе, когда сторожъ вернулся и сообщилъ, что Б. не знаетъ меня и спрашиваетъ по какому дѣлу? Вспомнивъ, что меня большевики знаютъ только по дѣвичьей фамилии, а не въ качествѣ Романовой, я немедленно исправила свою ошибку и, вручивъ сторожу 40 рублей, просила его устроить миѣ пріемъ. Вскорѣ сторожъ вернулся и сообщилъ, что Б. меня приметъ. Продавъ около часа, я, наконецъ, попала въ кабинетъ къ Б. Разсказавъ ему о мужѣ (онъ, конечно, уже все зналъ), я начала просить его помочь миѣ перевести мужа въ больницу. Б. былъ строгъ и холоденъ, но въ глазахъ его порой свѣтились лучи доброты и сердечности.

Къ сожалѣнію, помочь вамъ ничѣмъ не могу: всѣ Романовы находятся въ вѣдѣніи Урицкаго...

Разбитая, униженная, я вернулась домой изъ Чеки. Въ этотъ же день ко миѣ явилась какая-то дама съ запиской мужа изъ тюрьмы. Онъ проситъ прислать матрацъ. Мы отнесли къ этой дамѣ съ недоверіемъ, но увидѣвъ почеркъ мужа, немедленно ему выслали матрацъ. Дама предлагала миѣ дальнѣйшія услуги по переноскѣ съ мужемъ, объясняя, что ея мужъ офицеръ тоже сидитъ въ тюрьмѣ на Шпадерной и она, при частыхъ свиданіяхъ, можетъ передавать записки. Но она показалась миѣ подозрительной, и я ея услугами не пользовалась.

Мысль о необходимости помочь моему мужу, меня не оставляла ни на минуту. Я продолжала обдумывать каждую мелочь. У меня мелькнула мысль позвонить женѣ Б., телефонъ которой миѣ оставила, на всякій случай, сестра Б. — Н. И. Л-ва. Телефонные мои поиски оказались неудачными: жена Б. ѣхала въ Гатчину и должна была возвратиться только черезъ нѣсколько дней. Тогда я рѣшила написать ей письмо и изложить свое безысходное горе и молить ее, какъ женщину и жену, войти въ мое положеніе одинокой женщины.

Ночь прошла опять безъ сна. Утромъ я немедленно направилась на Гороховую. Ночью у меня явилась мысль просить Б. разрѣшить нашему домашнему врачу, доброму и милому И. И. Манухину, посѣщать моего мужа въ тюрьмѣ. На это Б. сейчасъ же со-

ОТКРЫТІЕ ТЕЛЕФОННОЙ ЛИНИИ ПАРИЖЪ - МОСКВА
Министры иностр. дѣлъ Барту и почтъ и телеграфовъ Маллармэ открываютъ телефонную линию Парижъ-Москва.

гласился и просилъ, чтобы докторъ Манухинъ пріѣхалъ къ нему для переговоровъ. Я съ Гороховой поѣхала къ доктору Манухину и передала ему весь разговоръ съ Б. Докторъ немедленно отправился въ Чеку и, какъ я потомъ узнала, велъ продолжительную бесѣду тамъ по поводу болѣзни моего мужа.

Я была безконечно счастлива: мой мужъ очень любилъ доктора И. И. Манухина, и его визиты несомнѣнно могли облегчить положеніе моего мужа и дать ему большую моральную поддержку.

Слѣдующій день былъ днемъ свиданія въ тюрьмѣ. Не могу передать того чувства скорби и тревоги, которое овладѣло мною при видѣ тюрьмы и оконъ съ рѣшетками. Грубо погребовавъ пропускъ, солдаты провели меня по вонючимъ коридорамъ въ кабинетъ начальника тюрьмы, гдѣ должно было состояться свиданіе. Кабинетомъ начальника тюрьмы была небольшая комната, съ однимъ окномъ съ рѣшеткой, письменнымъ столомъ, кушеткой и двумя стульями, между которыми стоялъ маленький столикъ. Начальникъ тюрьмы былъ симпатичный, маленький старичокъ. Въ этой комнатѣ я застала кивгину Палей, разговаривавшую съ тюремной сестрой милосердія. Въ это время вошелъ нашъ докторъ И. И. Манухинъ и показалъ начальнику тюрьмы бумагу, согласно которой ему разрѣшались свиданія съ моимъ мужемъ. Начальникъ очень любезно отвѣтилъ, что онъ, къ сожалѣнію, безсиленъ что-либо сдѣлать, такъ какъ всѣмъ свиданіями завѣдуетъ комиссаръ тюрьмы, который долженъ скоро явиться. Разговаривая, мы прождали комиссара ровно полтора часа. Наконецъ, съ шумомъ открылась дверь и вошелъ какой-то типъ. На немъ былъ смокингъ съ талстукомъ изъ грязной красной тряпки. На ногахъ сбитыя, потрепанные туфли съ бѣлыми, необыкновенно грязными носками. На головѣ — котелокъ съ проломаннымъ бокомъ и яркорыжее непромокаемое пальто. Все на немъ было такъ грязно, что могло вызвать только отвращеніе.

— Что это здѣсь за собраніе? — заорать

комиссаръ неистовымъ голосомъ, — убирайтесь всѣ отсюда вонь!

Находящиеся тутъ-же тюремный врачъ и сестра милосердія сейчасъ же тихо вышли. Нашъ докторъ подошелъ къ комиссару и протянулъ ему бумагу.

— Комиссаръ Б. сказать, что на основаніи этой бумаги я могу навѣщать больного Г. К. Романова, — заявилъ докторъ.

Тюремный комиссаръ швырнулъ бумагу и закричалъ на доктора:

— Убирайтесь вонь! Ни въ коемъ случаѣ не доущу никакихъ докторовъ къ Романовымъ.

Онъ истерически кричалъ, ругался, какъ извозчикъ, не стѣняясь присутствіемъ женщинъ, и, наконецъ, вытолкнулъ за двери нашего доктора.

Миѣ было больно сознавать, что докторъ изъ за насъ подвергся такимъ оскорбленіямъ, но я была безсильна.

Комиссаръ сѣлъ разбирать свои бумаги, а мы съ кивгиной Палей ожидали, стоя. Наконецъ, комиссаръ куда-то вышелъ въ канцелярію, возвратясь, велѣлъ миѣ уйти. Меня отвели въ канцелярію, гдѣ я прождала ровно 15 минутъ, т. е. положенное время свиданія Вел. Кн. Павла Александровича съ его женой Кн. Палей. Когда я опять вошла въ кабинетъ начальника тюрьмы, то застала моего мужа, стоящаго по срединѣ комнаты съ двумя тюремными служителями по бокамъ. Со слезами на глазахъ я бросилась ему на шею. Мы сѣли. Насъ раздѣлялъ столикъ, сѣсть рядомъ намъ не разрѣшили. Такъ много хотѣлось сказать, но словъ не было. Наконецъ, собравъ силы, я начала что-то говорить и въ это время услышала ревъ комиссара:

— Говорите громко, я тоже желаю слушать, что вы говорите.

Его неправильная русская рѣчь и истерическій крикъ, дѣйствовали на мои истерзанія нервы. Онъ подвинулъ свое кресло и сѣлъ поближе къ намъ. Начальникъ тюрьмы въ это время отошелъ подальше.

Кн. А. Романова.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Три русских таланта

Разсказъ изъ жизни Петра Великаго

Дороги были испорчены. Дожди, не переставая, лили вторую недѣлю — и царь Петръ рѣшилъ задержаться въ Валувекѣ. Вхаль онъ съ Меншиковымъ, оба верхами и такъ промокли и продрогли, что не разъ приподымались на стременахъ, ища хоть какую-нибудь хибарку, но кругомъ простирались сиротливыя, голыя поля, мокрая и непривѣтливая.

Обозы съ амуницией и огнестрѣльнымъ запасомъ шли изъ Новгорода на волахъ и по размытымъ дорогамъ проходили въ сутки не болѣе двадцати верстъ. Царь грозился повѣсить и начальника, и комиссара обозовъ, однако, отъ угрозы къ дѣлу не перешелъ, понимая, что начальникамъ супротивъ природы бороться трудно. Но скверныя дороги и общее къ нимъ безразличіе раздражали Петра.

— Голландскія дороги катками укатаны, по бокамъ стоки, а пока нашъ русскій медвѣдь наберется таланту, — сто шкуръ съ него спустишь! — сказалъ онъ въ полуобороте Меншикову.

Свѣтлѣйшій лѣнливо посмотрѣлъ на царя, отряхнулся, какъ утка отъ дождя, и еще лѣнливѣе отвѣтилъ:

— Зря русскій народъ бранишь. У русскаго талантовъ дѣвать некуда; присмотришь только.

— Давно смотрю, да что-то не вижу! Только изъ подъ палки и гораздъ на работу, а не досмотри, — лапу сосеть!

— Не правъ ты, ваше величество — и за сутки не меньше трехъ талантовъ найдешь!

— Да ну?

— Ей Богу!

— А почему-же я проглядѣлъ, а ты ихъ подмѣнилъ; умнѣй, что-ли?

— Не въ умѣ дѣло. Ты сверху до низовъ снизошелъ — это одна хватка, а я самъ изъ низовъ вышелъ — это другая. Хочешь спорить на сто червонцевъ?

— Идетъ! засмѣялся царь. — А только, если за сутки трехъ талантовъ мы не найдемъ, — получай, братъ, за червонецъ по палкѣ. По пятницамъ и бить буду; такъ и отсчитывай десять пятницъ. Въ субботу отлежишься, въ воскресенье отмолишься, а съ понедѣльника за работу.

— Плакали твои денежки, ваше величество! усмѣхнулся свѣтлѣйшій.

— Не твоя-ли спина чешется? Рано загадываешь. Ну и погода!

А погода, дѣйствительно, становилась все нестерпимѣе; дождь, то частилъ, словно изъ сита, то лилъ ливнемъ и лошади, и всадники были забрызганы грязью до самыхъ головъ.

Временами откуда-то сбоку налеталъ вѣтеръ и дождь принимался хлестать сильнѣй и настойчивѣй.

Люди, словно, попрятались; нигдѣ ни души, ни подводой, ни верхового, ни пѣшаго. Тучи бѣжали такъ низко, что казалось воть-воть задѣнуть за верхушки березъ, разбросанныхъ кой-гдѣ отъ дороги.

А неутомимый царь, мокрый, голодный, холодный, сѣвши въ сумракѣ ненастья и, криво оттопыривая верхнюю губу, ворчалъ:

— Ихъ-бы, сучьихъ дѣтей, да по заграничному обучить — глядишь — черезъ сто лѣтъ Европу-бы удивили!..

Въ Валувеку царь прискакалъ подъ вечеръ съ Меншиковымъ и прапорщикомъ Сергѣевымъ, котораго нагналъ по дорогѣ верстахъ въ десяти отъ Валувки.

Сергѣевъ торопится къ обозамъ, былъ верхомъ, съ сѣдла не слѣзая двое сутокъ, сквозь промокъ, вѣлъ изъ сумки, запивалъ

дурной самогонкой и сегодня загонялъ уже третью лошадь.

— Куда?! закричалъ Петръ, какъ только нагналъ Сергѣева.

— Для Семеновскаго полка порохъ и свинецъ принять, ваше величество! осаживая въ сторону коня и снимая шляпу, отвѣчалъ Сергѣеву. — У нихъ не перехвати во время, такъ въ годъ не дотащутъ, а на своихъ-то подводахъ быстрѣй доставимъ.

— Дѣло говоришь, дѣло! — Запоздали обозы!

— Пока они подойдутъ — зима стукнетъ.

— А все-же, въ Валувку завтра должны подойти! увѣренно сказала царя. Поѣзжай съ нами. Какъ звать-то? Обрижье знакомое, а по кличкѣ забыть.

— Фома Сергѣевъ, ваше величество!

Царь снялъ шляпу, отряхнулъ съ нея ручьи воды и, одѣвая ее, спросилъ:

— Въ какихъ баталяхъ былъ?

— Подъ Нарвой былъ, ваше величество.

Въ бедро раненъ, да вотъ два пальца подарилъ шведамъ!

Засмѣялся Сергѣевъ и поднялъ правую руку безъ мизинца и безымяннаго пальца.

— Орелъ! улыбнулся царь и тронулъ коня.

— А водку-то пьешь? спросилъ онъ черезъ плечо.

— Пью, ваше величество. Да нешто безъ водки русскій человекъ проживетъ. По такой-то погодѣ куда, какъ это пользително!

— Говоришь много! насушился царь. — Кабы ни пальцы, да ни бедра, я-бы тебѣ прописалъ за твое пустословіе!

— Языкъ нашъ — врагъ нашъ! вставилъ Меншиковъ и брезгливо оглядѣлъ Сергѣева.

Сергѣевъ усмѣхнулся и еще веселѣе посмотрѣлъ въ спину царя.

— Ишь, какъ грязью отдѣлало! сказала онъ. — А пальцы и бедро, ваше величество, не въ счетъ; за тебя, да за родину я и глазомъ стою.

Петръ обернулся и погрозилъ ему нагайкой.

— Какимъ глазомъ?

— Однимъ, ваше величество. Лѣвымъ!

— А правый у тебя для кого?

— Правый, царь, для обману.

— Какъ для обману?! Эй, Данилычъ, отрѣй его вдоль спины, тебѣ ближе!

Свѣтлѣйшій поднялъ нагайку, а Сергѣевъ, давъ коню шпоры ушелъ!

— Смотри, Фома, въ оба! засмѣялся царь.

— Не ровень часть, однимъ глазомъ изъподъ моей нагайки не улизнешь.

— И радъ-бы, ваше величество, да глазъ-то одинъ! Правый-то у меня не свой. Правый-то глазъ за твое величество до Нарвы поѣзжалъ.

Царь повернулъ коня и остановился противъ Сергѣева.

— Врешь! Кажи глазъ!

Прапорщикъ, улыбаясь, привсталъ на стременахъ и потянулся къ Петру.

— Врешь! уже не дружелюбно вскричалъ царь. — Вѣдь у тебя оба глаза! и щека у Петра дрогнула и бровь искривилась.

— Никакъ нѣтъ, ваше величество, — одинъ лѣвый. Это мнѣ на мѣсто праваго ротный богомазъ Фелька липовый волчокъ подъ глазъ росписалъ.

— Да ну?! изумился царь.

— Ей Богу!

— Достойно сдѣлано. Неушто волчокъ?

— Волчокъ, ваше величество. Можете пальцемъ ощупать.

Петръ поднялъ руку и слегка надавилъ пальцемъ на глазъ прапорщика. Съ мокрой перчатки струйка воды потекла по щекѣ Сергѣева.

— Вотъ чортъ! засмѣялся царь. — Данилычъ, смотри и впрямъ волчокъ!

Меншиковъ поглядѣлъ на мокрую перчатку царя, на свисавшую съ кисти царской руки татарскую плетъ, на пѣгую морду лошади прапорщика и, пожмаясь, сказалъ:

— Вотъ тебѣ и первый талантъ!

Петръ даже привсталъ на стременахъ, снялъ съ Сергѣева шляпу и перегнувшись поцѣловалъ его въ щеку. Потомъ нахлобучилъ ему треуголку на самыя брови и серьезно сказалъ:

— За баталию, за пальцы, за бедро и за глазъ не забуду! и, улыбаясь, пошлепалъ его по колѣну. — Еще одну рану получишь и произведу въ поручики! дать шпоры коню и всѣ трое поскакали къ Валувекѣ.

Въ Валувекѣ никто не ожидалъ въ такую погоду Петра. Ходили слухи, что онъ хотѣлъ быть въ Новгородѣ, но не раньше морозовъ.

Мглистыя сумерки упали на бревенчатая постройку Валувки. Дождь зачастилъ. Порывы вѣтра рвали холодныя дужи.

Петръ рукояткой нагайки постучалъ въ ворота.

— Эй, отойдите царевымъ слугамъ!

Гдѣ-то хлопнула дверь. Кто-то зашлепалъ по грязи и грубый мужской голосъ крикнулъ со двора:

— Чего ломишься? Лѣ-ша-ай!! Проѣзжай къ дявуду дальше, здѣсь домъ соцкаго. Я вотъ тѣ постучу!

Царь спрыгнуть съ коня и изъ всѣхъ силъ ударилъ ногой въ ворота. Даже лошади шарахнулись въ сторону. Что-то треснуло, посыпалось, завизжало и обѣ створки воротъ широко распахнулись.

— Гдѣ соцки?! закричалъ царь!

Какой-то человекъ метнулся къ крыльцу, но Петръ, рванулся за нимъ, ухватить за шиворотъ и нѣсколько разъ огрѣлъ нагайкой.

Человѣкъ завылъ, забился въ стальной рукѣ царя и съѣлъ въ грязь.

— Такъ-то ты, сукинъ сынъ, принимаешь царевыхъ гостей?! зашипѣлъ на него Петръ и еще разъ полоснулъ нагайкой пониже спины.

Меншиковъ и Сергѣевъ вѣхали во дворъ, — Живо прибрать коней! загремѣлъ Петръ и прошелъ въ домъ. — Эй, Данилычъ! крикнулъ онъ изъ сѣней. — Зови прапорщика, хочу при свѣтѣ волчокъ разглядѣть.

Меншиковъ, не торопясь, слѣзъ съ коня, потеръ лосины на ляжкахъ, потеръ икры и, не обращая вниманія на всхлины исполосованнаго хозяина, прикрикнулъ на прапорщика:

— Ну, живо! Слышь, государь требуетъ!

— Кого это? флегматично протянулъ Сергѣевъ. — Ежели прапорщика, то онъ на десять верстъ позади остался, а ежели поручика, въ одинъ мигъ буду.

— Да ты горохъ-то не разводи! насупясь и все еще потирая икры, сказалъ свѣтлѣйшій. А то, смотри, проучать и тебя, какъ этого дурака!

Но дуракъ уже прошмыгнуть вслѣдъ за царемъ, а изъ дома вышли двѣ бабы и приняли коней.

Сергѣевъ слѣзъ съ своего пѣгаго и передавая поводъ бабѣ, упрямо сказалъ Меншикову:

— А нешто, ваша свѣтлость, не слышали, что говорить государь: «еще одну рану получишь и произведу въ поручики!»

— Ну?

— А вотъ теперь ощупайте-ка это плечо, авось поручика и нащупаете.

— Да ты не верти, а говори толкомъ.

— Толкомъ и говорю. Въ плечѣ-то до сей поры пуля торчитъ, уже кожей заростать начала.

— Такъ что?

— Сами смекайте, ваша свѣтлость!

А царь уже снова появился въ сѣняхъ и загремѣлъ на весь дворъ:

Ну?! Что еще приключилось?!

Меншиковъ подошелъ и рассказалъ про пулю Сергѣева.

— Вотъ хватъ! удивился царь. — Слово назадъ не беру. Идемъ, господинъ поручикъ!

**

Развѣсили на печи плащи и мундиры, и скоро горячая яичница и крѣпкая водка согрѣла всѣхъ. Царь вдоволь налюбовался естественнымъ волчкомъ и, смѣясь, спросилъ Сергѣева:

— Ну, куда-же тебѣ одноглазому, послужилъ и хватить! Хочешь къ комиссаръ-интенданты назначу?

— Спасибо! засмѣялся Сергѣевъ. — Отъ интенданта до плетей, что черезъ столъ до яичницы! А я, ваше величество, въ капитаны хочу.

— Жирно будетъ! насупился Петръ. — До капитана еще два раненія, — выживешь ли?

— Развѣ, что два? опять засмѣялся Сергѣевъ.

— А ты чего зубы-то скалишь? Мало дорывили? Сказалъ и не отступлюсь. Возьми еще два раненія и дамъ капитана, а пока еще и въ поручикахъ послужи съ толкомъ.

— Дозвольте ужъ лучше мнѣ въ капитаны! опять засмѣялся Сергѣевъ и быстро скинулъ ботфорты, разматалъ портянку.

— Гляди! сказало онъ, подставляя къ свѣту безпалую ногу. — Гдѣ пальцы? Нѣтъ? Вмѣстѣ съ сапогомъ по полю, за твое величество въ плясъ ушли. А это? и онъ задралъ вверхъ рубаху. Вдоль бѣлаго живота шелъ широкій розоватый рубецъ. — Кишки за твое величество щупали, да не на такого Фому насочили, выжилъ! Это, нешто не два раненія?!

Царь смущенный, откинулся къ стѣнѣ и вопросительно поглядѣлъ на Меншикова.

— Что-жъ? сказалъ тотъ. — Русская находчивость второй талантъ! Плакали твои денежки.

— Ка-а-ни-танъ!! только и могъ сказать царь и залился смѣхомъ. Его плотное багровое лицо краснѣло все больше и больше. Вздрагивали, топорились и щетенились, зачесанные кверху усы и уже покраснѣла шея и веселой кровью налилась широкая волосатая грудь. Вмѣсто вытаращенныхъ глазъ, сквозили морщинистыя щелки и съ нихъ бѣжали по щекамъ слезы. Наконецъ, царь перевелъ духъ и снова вытаращить глаза.

— Хватъ! Чортъ! Хватъ! сквозь послѣдніе приступы, выкрикнулъ Петръ. — Изъ прапорщика и въ капитаны! Да ты, слышишь, Фома, не тани, показывай всѣ свои дырки, а то, въ прятки-то играя, перескочишь черезъ Данилыча!..

Сергѣевъ заправилъ рубаху, одѣлъ ботфорты и серьезно сказалъ:

— Это что, ваше величество, а вотъ въ сосѣдней ротѣ у прапорщика Феклушкина пятнадцать ранъ въ тѣлѣ, — что рѣшето! Честное слово!

Свѣтлѣйшій взглянулъ на Петра.

Впередъ наука, — сказалъ онъ, — не набирай по дорогѣ прапорщикова, а то капитановъ дѣвать некуда будетъ!

— А все-же ты хватъ! похвалилъ царь Сергѣева. — На языкъ рѣчиствъ, на баталю чистъ, а вотъ, какъ до ума твоего, не сплывалъ-бы. Капитаномъ къ бабѣ поѣдешь — бѣда не большая, а дуракомъ въ строю будешь — ущербъ государству.

— Пытай! опять улыбнулся Сергѣевъ.

— Что-жъ, торопиться намъ некуда, время коротать надо. Буду пытать на три вопроса. Отгадаешь всѣ три — на роту поставлю, а не отгадаешь — служи капитаномъ на мѣстѣ прапорщика.

— Пытай, говорю, ваше величество! опять смѣется Фома.

Царь прищурилъ глаза, задралъ между толстыхъ пальцевъ подъ глазъ правый усъ и вдругъ, скороговоркой, спросилъ:

— Летѣли три птички, двѣ велички, третья пташечка-таракашечка. Одна пятиглазка, другая трехглазка, а третья одноглазка. Ну?! —

— Чего проше! Три птахи, это мы трое. Первая ты, пятиглазка: своихъ два, да я съ свѣтлѣйшимъ во твоей службѣ. Вторая птаха, то — князь; его два глаза, да мой подчиненный, а третья — я одноглазый.

— Вѣрно твоя! сказалъ царь, отхлебнулъ изъ кругового ковша, погрызъ луку и снова спросилъ:

— Сажали на огородѣ два кочна, выросло три кочна, а созрѣлъ одинъ не урождъ да и давай перекапывать огородъ. Ну?

— Не велика мудрость! опять усмѣхнулся Сергѣевъ. — Сажали два кочна тебя, да царевича Ивана. Выросло три кочна: ты, царевичъ Иванъ, да царевна Софія. А созрѣлъ одинъ ты и давай перекапывать государство.

— Молодецъ! закричалъ Петръ. — Люблю банковатыхъ! и такъ хлопнулъ ладонью по сосѣдней скамьѣ, что у ней нога подломилась.

— Ну, братъ, отгадывай третью: кто изъ насъ двоихъ глупѣй, ты или я?

Меншиковъ поднялъ глаза на Сергѣева, а подъ столомъ ему кулакъ кажется: «Принимай на себя!» Однако, Сергѣевъ только усмѣхается.

— Ну?! заторопилъ царь и по скуламъ Петра забѣгали живчики. И опять лобъ началъ краснѣть, но уже не отъ смѣха и Меншиковъ осторожно отодвинулся въ сторону.

— Говори, если надумалъ, не тани! загремѣлъ царь.

— Спѣшить-то намъ некуда, ваше величество, твои это слова! опять смѣется Сергѣевъ. — А я не изъ тѣхъ, что за словомъ въ карманъ лѣзутъ. На всѣ твои вопросы я отвѣтилъ по уму, какимъ меня Господь наградила и теперь скажу, не таясь. Но отвѣтъ мой будетъ состоять тоже изъ трехъ вопросовъ; отгадаешь, — заткнешь меня, не отгадаешь, — суди самъ.

Меншиковъ лѣниво отогналъ съ носа муху и еще лѣнивѣе сказалъ:

— Дерзишь, братъ!

— Молчи! прикрикнулъ на него царь. — Достоинъ онъ говорить. Задавай, господинъ капитанъ!

— Первый вопросъ совсѣмъ простой: вѣтра нѣтъ — такъ вѣется, вѣтеръ есть — не вѣется, вѣется — такъ вѣтеръ есть, не вѣется — такъ вѣтра нѣтъ. Что будетъ?

Петръ бросилъ кисетъ на столъ, нервно набилъ трубку, запалилъ отъ свѣчи, пустилъ цѣлое облако дыма, подумалъ, почесалъ въ затылкѣ и отплатился.

— Хоть убей, ничего не пойму! И мельница и не мельница и чортъ ее знаетъ, что за вертушка! Видно, братъ, я глупѣе тебя. Говори, что будетъ?

— Вѣрь!

— Вѣрь? Какъ вѣрь?! Вѣрно. Вотъ чортъ! А я про мельницу думалъ. Ну, твоя беретъ, говори вторую.

— Изволь. Скажи ты мнѣ, ваше величество, что мужикъ видитъ всегда, царь иногда, а Богъ никогда?

— Ну, это ты врешь: засмѣялся Петръ, снова затянулся и снова пустилъ облако дыма. — Что-же это такое, чего Богъ не видитъ?

— Да у тебя Богъ-то турецкій? кривясь отъ петровскаго дыма, протянулъ Меншиковъ.

— Зачѣмъ турецкій. Богъ нашъ. Иисусъ Христосъ.

— Да есть-ли такое, чего и Христосъ не видитъ?!

— Значить есть, ваша свѣтлость!

— Ну, пусть я дуракъ! сказалъ Петръ. — Говори отгадку.

— Мужикъ видитъ всегда, царь иногда, а Богъ никогда, — равнаго себѣ!! отвѣтилъ Сергѣевъ и опять усмѣшливо посмотрѣлъ на царя.

— Что, Данилычъ, вѣрно? подмигнулъ Петръ. — Оба, братъ, мы съ тобой дураки, а капитанъ-то, какъ я погляжу, умнѣй насъ.

— Отгадка вѣрная! согласился свѣтлѣйшій. — Срѣззлся ты на своемъ полданномъ. Хитеръ русский человѣкъ.

— Золотыя слова! подхватилъ Сергѣевъ.

— Поставь меня на мѣсто его величества и буду я дуракъ дуракомъ, а вотъ за водочкой про загадки, на это я мастеръ. И скажу тебѣ, государь, что изъ насъ двоихъ умнѣй ты, а хитрѣй я. Хитростью милости твоей заслужилъ и еще на одну расчитываю.

— На какую-же?

— А нужно мнѣ было два дня назадъ въ Валуевкѣ быть, а я два дня съ горя пропьянствовалъ, а теперь вотъ спѣшу нагнать своего поручика, такъ ужъ будь до конца милостивъ и прости мой грѣхъ.

— Ты, братъ, не хватъ, а чортовъ ухватъ! топорица усы, забрызгалъ слюной Петръ.

— Нажралъ, напилъ, награды отъ царя получилъ и еще милость выматываешь?! Хитрая ты голова и быть тебѣ на коду, но за нерадѣніе по службѣ при слѣдующей провинности засчитаю вдвойнѣ, а пока что — благодарю за хлѣбъ-соль, да отправляйся вдогонку поручику.

Сергѣевъ всталъ, поклонился въ поясъ царю, да свѣтлѣйшему и, снявъ съ печи еще не просохшій мундиръ, натянулъ его на себя и прицѣпить оружіе.

Вошелъ хозяинъ и, оставаясь у дверей, сказалъ царю.

— Подводы подошли, ваше величество. Офицеръ разрѣшенія просить войтить.

— А ты мнѣ скажи, спина-то у тебя саднитъ?

— Саднитъ, ваше величество.

— Подъ лопатками-то, зудитъ?

— Зудитъ дюже.

— А на сидячее мѣсто сѣсть можешь?

— Пробовалъ, ваше величество, да пока грудновато.

— Ну, ладно, зови офицера! и, оборотясь къ Сергѣеву, сказалъ:

— Не твой-ли поручикъ? Зайди пока, братъ, за печь!

И только Сергѣевъ притулился за печкой, какъ дверь отворилась и черезъ порогъ перешагнулъ весь мокрый и забрызганный грязью офицеръ.

— Кто будешь? закричалъ царь, всматриваясь въ пришедшаго.

Офицеръ снялъ шляпу и съ нея ручьями полилась вода.

— Семеновскаго полка поручикъ Сусликовъ, ваше величество! Съ шестью подводами пороха, амуниціи и всякихъ огнестрѣльныхъ снарядовъ. Своихъ лошадей допрягли, а главный-то обозъ за полсотни верстъ грязь мѣситъ.

— Плохо дѣло! сказалъ Петръ. — Придется, не досушивъ, ѣхать и подождать.

— Сколько съ тобой людей?

— Сто человекъ отъ роты, ваше величество. Умаялись, вымокли. Дозволь по сараямъ согрѣться.

— Ну что-жъ, выставляй караулъ и веди людей отдыхать. Да назначь въ караулъ прапорщика; тоже, поди, вымокъ, какъ ты?

— Вымокъ! спокойно сказалъ Сусликовъ.

— Два дня, гдѣ-то мокрытъ, а куда занесло сушиться, про то, прости, и не знаю.

— Какъ такъ?! опять загремѣлъ царь. — Службу оставилъ?! Подъ судъ отдать и разстрѣлять передъ фрунтомъ!

Поручикъ отодвинулся въ сторону, потому что, гдѣ онъ стоялъ, образовалась лужа воды и, спокойно глядя въ глаза царю, сказалъ:

— Прапорщикъ Сергѣевъ отличный офицеръ и зашибать сильно не зашибаетъ, а съ горя видно намокъ; наградами за острый языкъ обошли.

— Какъ за языкъ?!

— Да все правду-матку ищешь, а гдѣ она, правда-то? Днемъ съ огнемъ не сыскать!

То, чего не забыть

ВОСПОМИНАНИЯ.

Теплый польский вечер в Кусковѣ под Москвой... На террасѣ самоваръ, малина со сливками... Сумерки. Лампу еще не зажигали...

Старше собираются в театр; в Кусково прѣхалъ гастролеръ, спектакль сегодня особенный, волнующий. О немъ разговариваютъ съ утра, спорятъ, кто лучше играетъ эту роль, — тотъ, кто выступаетъ сегодня, или А. И. Южинъ. Мнѣня расходятся. Всѣ особенно настроены и ждуть вечера...

У меня настроенье трагическое...

Меня не берутъ! Говорятъ: «Мала, успеешь еще всего навидаться в жизни»...

Не берутъ! Меня!!! Меня, которая за то, чтобы пойти туда, готова отдать свою девятилѣтнюю жизнь!

Какъ можно меня не взять в театр, когда это такъ же необходимо для меня сейчасъ, какъ воздухъ!..

«И какъ они этого не понимаютъ», шепчу я, усѣвшись у корней раскидистой сосны, на кочкѣ, в далекомъ углу нашего сада... «Господи, какъ тяжело, когда самые родные люди на свѣтѣ, самые дорогие и вдругъ такіе глухие!»

Меня бьетъ лихорадка, я вся дрожу... Къ ужину и вечернему чаю прихожу съ заплаканными глазами и распухшимъ носомъ. Всѣ понимаютъ, в чемъ дѣло, повидному, жалуютъ даже! но... у моей матери, а что самое важное и показательное, — у тети Сони, непреклонное лицо, и только дядя, дорогой, святой дядя Сережа, видимо, не теряетъ надежды...

Онъ подмигиваетъ мнѣ, и уходитъ вслѣдъ за ними, за этими двумя женщинами, в рукахъ которыхъ сейчасъ все мое счастье.

Въ гостиной слышится взволнованный разговоръ, дядя убѣждаетъ, словъ не слышно, какъ я ни напрягаю слуха, наконецъ, негодующее восклицаніе тети и... свѣтъ померкъ передъ глазами!.. Все кончено! Не берутъ!!!

Дядя выходитъ, протирая пенснэ, — значитъ, недоволенъ.

Ничего не вышло, Николаевна (Николаевна — это я). Потерпи! Выростешь, — будешь дѣлать, что хочешь, а сейчасъ — по одежкѣ протягивай ножки. Ничего не подѣлаешь.

Я в пучинѣ отчаянія!!

Захлебываясь отъ слезъ, зарываюсь головой в дядино плечо...

Часъ спустя, съ горящими щеками, съ растрепанными волосами, съ руками перепачканными землей, я сижу верхомъ на заборѣ сада... Въ этомъ саду театр, тамъ сегодня играетъ кто-то чудесный, и я должна быть тамъ... И буду!

А потомъ, хоть смерть!

Позади страшный путь черезъ окно дѣтской (къ счастью, в первомъ этажѣ), двѣ огромныя либушки в саду, которыя опре-

дѣленно гнали за мной. Ужасъ, чтобы не заскрипѣла калитка, разорванные чулки, и ужасъ содѣянаго...

Впереди — театр! Все равно, — семь бѣдъ одинъ отвѣтъ! Я преступница? — «Тѣмъ хуже! Довели! — Радуйтесь!» шепчу я, и зажмуривъ глаза, прыгаю внизъ! Бамъ! Ттрахъ!! Я в крапивѣ, в глухой части сада. Здѣсь никого нѣтъ... При отблескѣ фонарей вижу мой розовый бантъ отъ косички, одиноко горящій на заборѣ...

Все равно, это мелочь, не до того...

Рысью несусь ко входу в кулисы...

Первый актъ кончился, на сценѣ бѣготня. На меня никто не обращаетъ вниманія: актеры сидятъ по уборнымъ. Это лучше, а то бы узнали (у насъ бывали многіе изъ нихъ, дядя самъ игралъ не разъ в этомъ театрѣ). На сценѣ устанавливаютъ декорацию сада. Я мгновенно ориентируюсь (бывала днемъ во время репетицій за кулисами не разъ). Въ углу, около первого плана, лежить у стѣны закатанный коверъ. Усѣться на корточки, устроить себѣ норку между ковромъ и стѣной — дѣло одной секунды, высовываю носъ, какъ мышь изъ щелки, и съ готовымъ выпрыгнуть изъ груди отъ счастья сердцемъ, жду... Жду, когда поднимется занавѣсъ...

*

Передъ началомъ четвертаго акта замираю отъ тревоги. Надо мной раздаются голоса... Одинъ — гастролера, — другой дядинъ! Я опускаю голову в колѣни, стараюсь не дышать и вдругъ... громко чихаю!

Какое ужасное невезенье!

«Господи, какъ Тебѣ не стыдно?! Неужели не можешь помочь рабѣ Твоей Екатерины», шепчу я, побагровѣвъ отъ ужаса...

— Вылѣзай, разбойница! строго говоритъ дядя, сначала онѣмѣвший отъ удивленія.

Четыре руки выгребаютъ меня изъ моего убѣжища. Видъ у меня, должно быть, очень не важный, потому что оба они вдругъ покачиваются со смѣху.

Ура! Разъ смѣются, — не все еще погибло!

— Дядичка, бормочу я, сложивъ умоляюще руки: прости!.. Позволь остаться, не выдавай, дядичка! Онѣ «старшая», онѣ не поймаютъ, а ты не «старший», ты актеръ, ты поймешь, я тоже буду актрисой.

Меня ведутъ в уборную, къ комической старухѣ, моютъ мнѣ лицо, счищаютъ пыль,

Е. Н. РОЩИНА- ИНСАРОВА. Фото Марковичъ.

даютъ конфеты и яблоко...

Я слышу возлѣ себя удивленные, ласковые восклицанія, и чьи-то, звучащая небесной музыкой слова:

— Что-жъ тутъ удивительнаго. Это — кровь Рощина. Дѣвочка не можетъ быть иной, это слышите ея, посмотрите на нее, — вылитый отецъ...

Меня цѣлуютъ, ласкаютъ и къ началу акта, я, сияющая, гордая, сижу на стулѣ в кулисахъ и знаю, что досмотрю спектакль до конца.

Послѣ окончания, мой бѣдный, дорогой баловникъ дядя, ускользнувшій подъ какимъ-то предлогомъ отъ своихъ дамъ, ведетъ меня изъ за кулисы, по темнымъ, боковымъ алейкамъ, покрытую съ головы до ногъ чьимъ-то большимъ платкомъ, и мы мчимся на извозчикѣ домой.

Я отдыхала в Финляндии, в санатори «Рауха», усталая послѣ зимняго сезона, — моего первого сезона в Петербургѣ, весеннихъ гастролей в Варшавѣ и поѣздки по Царству Польскому.

Лежа цѣлыми днями в тамакѣ среди сосенъ, вспоминала и перебирала всѣ волнующія впечатлѣнія первыхъ крупныхъ успѣховъ.

Я была очень молода, и очень счастлива. За завтракомъ подали телеграмму:

«Вылѣзайте немедленно, открытіе 10-го, идетъ «Гроза». Привѣтъ. Карповъ»*).

Никогда не забуду того страшнаго волненія, которое меня охватило...

Боже мой, «Гроза»! Вънець моихъ меч-

*) Гл. режиссеръ театр. Литер. Худож. О-ва (иначе Малаго) в Петербургѣ.

Фото Марковичъ

**Е. Н. РОЩИНА -
ИНСАРОВА**

въ постановкахъ
«Бродячихъ Кома-
диантовъ».

ганий! «Катерина», единственный, непревзойденный, неповторимый образъ русской женщины. Образъ, который мучилъ меня по ночамъ, который я видѣла передъ собой такъ ясно, и которому я отдавала всю мою душу.

Высокая, стройная, съ соболиными бровями, съ опущенными рѣсницами, точно сошедшая съ картины Нестерова, съ кованной золотой повязкой до бровей, въ темномъ, старинномъ сарафанѣ, съ головой, покрытой «въ роспускъ» парчевымъ платкомъ...

**

Въ день генеральной репетиции, утромъ, получила записку отъ приятельницы, влюбленной въ русскую старину.

«Дорогая, пріѣзжайте! Нашла у антиквара для вашей «Катерины» совершенно замѣчательное старинное платье».

Немедленно полетѣла къ ней на Васильевскій Островъ. Платье оказалось, дѣйствительно, чудеснымъ, но для «Катерины» не подходящимъ.

Выходя на улицу, остановилась у подъѣзда, вдохнула утренний, осенний воздухъ, кто не помнитъ этого особеннаго Петербург-

скаго воздуха — бабьяго лѣта? — И вдругъ закружилась голова, и сжалось сердце отъ ужаса...

Черезъ часъ репетиция... Что, если не поймаю?! Не захотѣть понять моей «Катерины»!! Скажутъ, что не то, что играть надо не такъ, что она не такая!

А я другой не видѣла, не понимала, и не могла себѣ представить...

Я знала, что моя Катерина жила, страдала, ходила по городскому саду у обрыва надъ Волгой, и то, что этому могли не повѣрить, — было ужасно.

— Подай, Касатка, на переселенцевъ, Христа ради, — раздался за моей спиной пѣвучій, причитающийъ бабій голосъ.

Я обернулась, и ахнула.

Въ темномъ платьѣ, со скорбно сжатыми губами, съ опущенными рѣсницами, передо мною стояла она — моя Катерина, живая, не выдуманная, моя, какую я знала, моя, какую я любила! Я бросилась къ бабѣ... Боже, какое лицо! Незабываемое! Скорбное, строгое и такое дѣтски-чистое, и такое русское...

— Въ Баку ѣду, милая, къ мужу; ребенокъ,

вишь, плачетъ, исть яму охота, а чѣмъ накормишь? Чистая бяда. Не наберу никакъ на билетъ то... Шутка ли, два рубля восемь гривенъ, слышь, еще требоваться. Помоги кормилица, заставь Бога молить.

Я, вся дрожа отъ восторга, не сводя съ нея глазъ, высыпала ей всѣ мои деньги.

Не забуду, какъ всыхнуло и освѣтлось все ея лицо.

— Что-й-то ты родимая, никакъ все отдала? Мать Пречистая, да тутъ ишь золотого?!

Баба вдругъ выпрямилась, и истоиво, касаясь рукой земли, поклонилась мнѣ.

— Пошли тебѣ Господь, до чужого горя дотошная,охрани тебя Святые Угодники! Какъ звать-то тебя, молодочка? Какое имя въ молитвѣ поминать надо? Хочу въ церкву сходить, за тебя свѣчку Владычицѣ Милостивой поставить...

— Катериной зовутъ меня, милая! Помолись за меня... Трудно мнѣ сегодня очень.

Она вдругъ вся расцвѣла улыбкой.

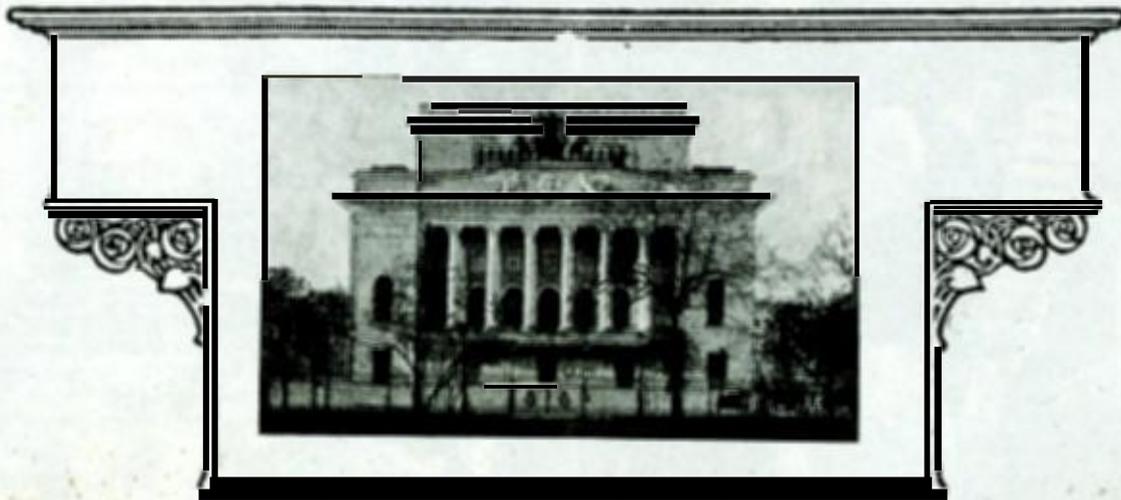
— Ахъ ты родная, ахъ болѣзная, ишь ты, какъ вѣдь пографилось! И меня Катериной звать, чудно право. Эдакъ-то обѣ встрѣнулись...

Я летѣла въ театръ на репетицію, какъ во воздуху. Въ душѣ было счастье... Теперь я знала, что мнѣ повѣрятъ, иначе не было бы этой встрѣчи. Это было какъ знамение, какъ Божье чудо, а я вѣрила, вѣрю и буду вѣрить въ чудеса!

Гдѣ ты теперь, моя чудесная, моя вымоленная у Бога Катерина?! Помнишь ли меня, какъ я тебя помню?!

Парижъ. 1934.

Е. Рощина-Инсарова.

ДЕРЕВНЯ

СВОБОДНАЯ и КОЛХОЗНАЯ

ПАРАЛЛЕЛИ

Иностранцы, совершающие экскурсии по советской России, обыкновенно ограничиваются посещением двух, самое большое трех административных и промышленных центров СССР и, по полученным впечатлениям, судят о жизни в «великой республике рабочих и крестьян».

И никому из них не приходит в голову, что если советское правительство и проявляет известные заботы в отношении рабочих, то для крестьян у него имеются только карательные экспедиции, выкачивание продналога, «раскулачивание» и «колхозы».

От берегов Северного моря и до Черного на многие сотни и тысячи верст протянулась советская граница. На западе — страны буржуазного порядка, на востоке — необозримая пространства СССР.

И здесь и там живут одни и те же крестьяне, но как различна их судьба и их бытие! Всем известно, что, после заключения мирных договоров между советским союзом и прилегающими к нему молодыми государствами, русские землеробы зачастую шли на большие жертвы и настойчиво помогали, чтобы их земли остались бы вне границ бывшей России. Так велико было отвращение и ненависть сельского населения к «величайшей республике рабочих и крестьян»!

Партия большевиков — это типично городская партия. Когда Ленин и его подручные захватили власть, у него даже не было программы по земельному вопросу, и он

заимствовал ее у эсеров. Отсюда — глухая враждебность правящей партии к крестьянству, которое она никогда не знала и не понимала. Отсюда эта непрерывная, никогда за годы советской тирании не прекращающаяся война между московской властью и русской деревней.

Последние известия, приходящие из России, снова и снова говорят о грозящем многим миллионам русского крестьянства, когда-то хлѣбородѣйших губерний голодѣ. Цѣлая область Украины и Поволжья гребуют немедленной продовольственной помощи, о чем свидетельствуют недавние

ВЪ ЛАТВИИ
Прїѣздъ городскихъ гостей.

воззвания высших представителей епископальной и католической церкви.

Но европейские политики настолько заняты процедурой приема большевиков в Лигу Наций, что стоны многих миллионов обреченных на голодную смерть русских крестьян до них не доходят. Они хотят слышать только о советских достижениях!

Печерский край в Эстонии... Несколько десятков процветающих сел и деревень, населенных теми же крестьянами. Храмы, переполненные молящимися, которым никто не запрещает исповедывать веру отцов.

Вѣра и свободный труд на землѣ, vzdланный рядом поколѣний... И эти два величайших блага, необходимых землеробу, как воздух, солнечный свѣтъ и влага, дѣлают воистину чудеса.

Скудна земля Печерскаго края и далеко не всегда ласково сѣверное небо. И, тѣмъ не менѣе, здѣсь никто не слышит о недородахъ и голодѣ; привольно и сытно живетъ сельское население Эстонии.

Свято чтутъ церковные праздники и по-

ВЪ ПОЛЬШѢ
Деревенскій праздникъ на Волини.

СЕЛО УДЖУСОЛЛАЙ ВЪ ЛИТВѢ

сты, а въ страдную пору отъ зари до зари грудятся надъ кормилицей-землею. Пашутъ, сѣютъ, косятъ и жнутъ, не видя ни одной комиссарской рожи. И хотя съ нихъ никто не выколачиваетъ «продналога», всё равно вносятся властями исправнѣйшимъ образомъ.

А когда наступаютъ большіе праздники, торжественный благовѣстъ стоитъ надъ Принаровьемъ и Печерскимъ краемъ, тревожа слухъ тѣхъ, кто съ наганами за поимомъ неуспѣшно сѣдять за тѣмъ, чтобы не пробѣжала мышь черезъ совѣтскую границу.

Недавно въ эстонской деревнѣ Ряшишъ (на сѣверо-западъ отъ Чудского озера) состоялся многолюдный съѣздъ «Русскаго христіанскаго движенія крестьянской молодежи». Это новое движеніе преслѣдуетъ цѣль объединить молодыхъ людей, рѣшив-

шихъ посвятить себя переустройству и своей личной жизни и всей жизни русскаго народа на основѣ Христовой правды.

Небогато живутъ русскіе крестьяне въ Латгаліи. Тощая, болотистая земля, скудные урожаи, суровая природа...

И все-таки они благословляютъ свою судьбу за то, что ихъ села и деревни по эту сторону совѣтской границы. О житѣ - битѣ русскихъ крестьянъ по ту сторону границы говорятъ съ ужасомъ, какъ о чемъ-то неопишимо жуткомъ! У многихъ латгалцевъ въ сов. Россіи остались родные, но о нихъ они не имѣютъ никакихъ извѣстій. Предусмотрительная совѣтская власть переселила все население приграничныхъ деревень вглубь Россіи и даже въ Сибирь, а на его мѣсто водворила коммунистовъ - парійцевъ.

Сосѣдство съ совѣтской границей налагаетъ на эти приграничныя деревни печать тревоги. Какая-то особенная мгла стоитъ лѣтнимъ днемъ надъ просторами такого близкаго СССР. И за зелеными лугами и лѣсами, за пыльными, ухабистыми дорогами и оврагами чудится страшный пикъ подъяремной Россіи.

Въ Литвѣ крестьянскія села уютны и благообразны. Крыши домовъ крыты, по большей частію, соломой. За избами — сады, которые въ этомъ году дали хорошій урожай яблокъ и грушъ. Неплохъ также и урожай ржи и кормовыхъ травъ. Все удалось собрать во время.

Съ каждымъ годомъ въ литовской деревнѣ все болѣе и болѣе чувствуется влияние города. Старая деревня замѣтно мѣняется своимъ обликомъ. Большую роль въ этомъ играетъ разверстаніе старыхъ деревень на хутора и отруба, которое насаждается правительствомъ съ большою энергіей. Новая усадьба мало напоминаетъ прежніе крестьянскіе

А вотъ — типичная русская деревня центральныхъ губерній. Дырявыя крыши, бревенчатыя избы, выбитыя стекла, непролазная грязь дорогъ. Все осталось такъ же, какъ было шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, вѣрнѣе, стало гораздо хуже.

Это, вѣроятно, колхозная деревня.

Хутерянинъ.

ВЪ ЭСТОНІИ

въ д. Тарвасть въ
лѣтній день

И внизу —

Въ СССР

Орловская губ.

ПАРИЖЪ - СТРАСБУРГЪ

Очеркъ для „Иллюстрированной Россіи“

ЧЕМПИОНА ХОДЬБЫ

(ОКОНЧАНИЕ*)

Въ мартѣ этого года я прочиталъ всѣ вырѣзки изъ газетъ, въ которыхъ помѣщались свѣдѣнія относительно состязанія Парижъ-Страсбургъ за послѣднія пять лѣтъ. Изъ всѣхъ участниковъ наиболѣе опасными для меня конкурентами было 5-6 человекъ. Остальныхъ я просто не принималъ въ расчетъ; для меня они какъ-будто не существовали. Подсчитавши среднюю скорость моихъ соперниковъ между контролями, я установилъ разстоянія, на которыхъ они имѣютъ такъ называемую «coup de pompe».

«Coup de pompe» — состояние слабости, котораго самъ атлетъ не замѣчаетъ. Его самочувствіе превосходно, всѣ органы, кажется, работаютъ нормально; ни усталости, ни желанія спать... и лишь предательскій хронометръ отмѣчаетъ, что вы ползете, какъ улитка, и такъ въ теченіе 2-10 часовъ. Единственное средство избѣжать «coup de pompe» — продолжительная, не менѣе часа, остановка.

Мои противники впадаютъ въ состояние слабости на перегонахъ, начиная отъ Сень-Дизье и кончая Вуа. Я же прихватывалъ «coup de pompe» обычно между Люневилемъ и Бакара. Такимъ образомъ, я имѣлъ преимущество, приблизительно, въ сто километровъ. Надо было только, чтобы избѣжать слабости, остановиться въ Люневилѣ и постараться взять авансъ во время отдыха другихъ.

Далѣе я замѣтилъ, что при быстромъ, иногда до 12 км. въ часъ, ходѣ, очень рѣдкіе ходки дѣлаютъ 200 кил. въ 24 часа. Какъ обыкновенно, по классическому правилу всѣхъ состязаній, я старался уже при отправкѣ занять выгодное положеніе и приходилъ въ Шато-Тьерри (ок. 100 км.) со средней скоростью около 9 1/2 км. въ часъ. Тотъ, кто бы могъ сдѣлать первые 200 км. съ регулярной скоростью 8 км. въ часъ, по моимъ расчетамъ, долженъ былъ свалиться на плечи головныхъ ходоковъ около Витри-ле-Франсуа, и онъ былъ бы менѣе утомленъ. Я рѣшилъ прибѣгнуть къ этой тактикѣ.

Моимъ «стратегическимъ» расчетамъ могли помѣшать мои же собственные... ноги. Въ 1931 году я былъ принужденъ прибѣгнуть къ хирургической операци и съ оторванными ногтями пролежать около 2 мѣсяцевъ въ кровати. Въ 1932 году мои ноги предали меня вторично, но изъ моихъ неудачъ я все-таки извлекъ и кое-какіе уроки. Во-первыхъ, я убѣдился на опытѣ, что грубая кожа на ногахъ уменьшаетъ шансы на побѣду, такъ какъ подъ нею очень трудно замѣтить мозоли, которые, обыкновенно, при ходьбѣ надѣваются и прижигаются эфиромъ. А если и удавалось находить мозоли, то это были, вѣрнѣе, большія раны и принимать предохранительныя мѣры въ такомъ случаѣ было очень поздно. Я началъ ухажи-

вать за ногами такъ же, если не больше, какъ современные дамы за своими руками. Я добился того, что кожа на ногахъ стала нѣжна, какъ на лицѣ, а чтобы увеличить крѣпость ея, началъ мыть ихъ три раза въ недѣлю въ растворѣ воды и формоля. Наконецъ, я нашелъ жиръ, который въ буквальномъ смыслѣ приклеивалъ чутокъ къ ступнѣ и не позволялъ ему скользить между послѣдней и подошвой ботинка, что мѣшало образованию мозолей. Кромѣ того, я сдѣлалъ четыре пары ботинокъ, всѣхъ которыхъ уменьшался на 200 граммъ. Такимъ образомъ, въ концѣ состязанія я имѣлъ ботинки, всѣшившіе на 800 граммъ меньше, чѣмъ тѣ, въ которыхъ я начиналъ состязанія.

1 августа летчики Кодосъ и Росси дали стартъ, и мы отправились съ площади Республикы въ Страсбургъ. Два раза на протяженіи 20 километровъ мой менеджеръ г. Мишонъ задерживалъ меня, такъ какъ я, не отдавая отчета, начиналъ идти слишкомъ быстро. Въ Мо я пришелъ 28, со средней скоростью 9 км. въ часъ. Безъ всякихъ усилий на пути въ Ля Ферте су Жуарре я обошелъ еще 11 человекъ и около полуночи былъ въ Шато Тьерри восьмымъ. Такимъ образомъ, совершенно свѣжимъ я вмѣшался въ компанію головныхъ ходоковъ, которые рѣзали другъ друга безъ пощады. Я избѣгалъ борьбы и обходить обезсиленныхъ противниковъ. Шестымъ въ Эперней, третьимъ въ Шалонѣ — это меня ободряло. Въ Витри я пришелъ вторымъ на шесть минутъ позднѣе Шеминанг'а. У перехода черезъ желѣзную дорогу за городомъ разстояние между мною и первымъ сократилось до 300 метровъ. Я бы могъ догнать и обогнать моего противника, но мнѣ было выгоднѣе его обезсилить и вывести изъ строя часовъ на 10. Я занялъ угрожающую позицію сзади и принудилъ Шеминанг'а идти усиленнымъ аллюромъ, т. е. дѣлать больше того, на что онъ былъ способенъ. Послѣ 18 км. преслѣдованія, усталый Шеминангъ внезапно свернулъ съ дороги и усѣлся отдыхать, а я продолжалъ дорогу. Сень Дизье, Баръ де Дюкъ, Линьи ан Барри... Въ послѣдній городишко я прибылъ со скоростью 10 км. въ часъ. Дѣлалъ это я не безъ задней мысли, такъ какъ рѣшилъ, пройдя контроль, немного отдохнуть. А такъ какъ головные ходки обыкновенно сопровождаются сотнями и тысячами любопытныхъ, то я рассчитывалъ, что кто-нибудь изъ этихъ «вольныхъ ходоковъ» разболтается съ моими противниками и скажетъ имъ, что я иду очень быстро, что я — въ полной формѣ и т. д. и что, въ концѣ концовъ, такія свѣдѣнія обо мнѣ подорвутъ морально моихъ соперниковъ. По выходѣ изъ Линьи, я остановился, смазалъ ноги жиромъ, перемѣнилъ трусики и фуфайку, надѣлъ еще теплую фуфайку и длинныя брюки и тронулся.

Сень-Обанъ, Мениль-ла-Орнь, Вуадъ...

Вторая бессонная ночь... Еще три часа ходьбы и я — въ Тулѣ, не въ моей россійской Тулѣ, а во французскомъ довольно большаго города. Предмѣстье Туля — военный городокъ. Повсюду солдаты, которые меня приветствуютъ. Но что это? Эй ухнемъ?... Сотни четыре солдатъ, стоя за проволоочной оградой, распѣваютъ пѣсню бурлаковъ. Повидимому, они находятъ, что это пріятнѣе для меня, чѣмъ, напр., апплодисменты. Я ихъ тоже приветствую и... мимо... въ Нанси. Въ Нанси я побиваю на 1 1/2 минуты мировой рекордъ ходьбы на дистанцію въ 350 км. Далѣе, далѣе... Домбалъ... Люневиль — мѣсто моей «coup de pompe». Я не чувствую слабости, но изъ предосторожности останавливаюсь и... засыпаю, правда, не надолго, всего на 15 минутъ. Нервы напряжены до такой степени, что мышь работаетъ и во снѣ, и я просыпаюсь самъ, никакъ не буженный. Мои трусики и фуфайка въ плачевномъ состояніи: около 4-хъ часовъ я шелъ подъ проливнымъ дождемъ и все загрязнилось. Я мѣняю одежду, моюсь, причесяваюсь — и въ дорогу. Иду довольно быстро, чтобы придти въ Бакара засвѣтло. Я никогда не оглядываюсь назадъ, и по выходѣ изъ Бакара мнѣ говорятъ, что за мною слѣдуютъ около 2.000 человекъ и болѣе шестисотъ велосипедистовъ. Вся эта толпа распѣваетъ въ тактъ шагу пѣсни. Тѣмъ лучше: третья ночь самая трудная. Кажется, вотъ-вотъ заснешь на ходу, а пѣсни, крикъ, ругня столкнувшихся велосипедистовъ, гудки автомобилей — все это развлекаетъ.

Роннъ - Этанъ... на улицахъ весь городъ... Толпа за мною увеличивается и въ Сентъ-Дие я съ трудомъ пробиваюсь сквозь толпу къ контролю. Дождь льетъ, какъ изъ ведра. Я смазываю ноги масломъ, чтобы предохранить ихъ отъ холода, надѣваю непромокаемый плащъ и въ дорогу: предстоитъ одолѣть Саальскій перевалъ.

Мой менеджеръ запрещаетъ мнѣ идти быстро и опредѣляетъ мою скорость: пять съ половиной километровъ въ часъ, не болѣе, чтобы имѣть въ резервѣ кое-что на случай возможныхъ атакъ. Ночь, какъ и дорога, темны, и вдобавокъ еще проливной дождь. Медленный шагъ, шумъ дождя вызываетъ непреодолимое желаніе поспать. Я ничего не вижу передъ собою и останавливаюсь: спать... спать... Хотя бы полчаса, чтобы перебить сонъ... Мнѣ говорятъ, что въ 260-300 метрахъ есть деревушка, и мой менеджеръ мнитъ на велосипедѣ приготовить мѣсто для отдыха... Я иду, иду... Какъ длинны кажутся эти 200 метровъ... Наконецъ... Школьный учитель заранѣе, въ предвидѣніи ходоковъ, приготовилъ матрацъ и горячій кофе. Я первый ложусь и засыпаю мертвымъ сномъ. Черезъ 15 минутъ я просыпаюсь самъ, пью кофе съ молокомъ (лучшее средство, чтобы отогнать сонъ) и выхожу на улицу.

*) См. №№ 36 и 37 «И. Р.»

Бррр... какъ холодно... Дождь не перестаетъ поливать дорогу... Гдѣ-то по сторонамъ, на склонахъ горъ, покрытыхъ еловымъ лѣсомъ, свищетъ вѣтеръ...

Въ деревушкѣ Сенъ-Маргеритъ меня ожидаютъ человекѣ двадцать скаутовъ и нѣсколько десятковъ любопытныхъ, съ которыми я, подъ дождемъ, начинаю взбираться на переваль. А вотъ и Сааль, деревушка съ двумя-тремя гостиницами. Въ одной изъ нихъ контроль. Я расписываюсь, выпиваю большую миску Мальтобель, и надѣваю легкие ботинки: осталось 65 км. и, на случай угрозы надо быть обутымъ легко.

Утро... Я имѣю около полтора часовъ аванса и спускаюсь медленно въ Ширмекъ, отказываюсь отъ соблазнительныхъ предложений выпить рюмку кирша или мирабели.

Въ Ширмекѣ я уже чувствую себя побѣдителемъ. Я останавливаюсь, переодѣваюсь, чтобы не войти въ Страсбургъ грязнымъ, читаю газету, проглатываю за чтениемъ нѣсколько кусковъ ветчины. Мой менаджеръ тоже подкрѣпляется... Я чувствую себя въ такой прекрасной формѣ, что не боюсь потерять еще сорокъ минутъ...

До Страсбурга еще 47 км. Надо немножко подбавить шагу. Я начинаю идти со скоростью около 8 км. въ часъ и вдругъ, въ Юрматѣ, вспоминаю, что въ прошломъ году упалъ какъ разъ на площади этой деревушки, и хозяинъ кафэ проявилъ такую заботливость, что я рѣшаюсь еще остановиться. Я угощаю всѣхъ киршемъ, выпиваю кофе и, потерявъ еще 15 минутъ, испаряюсь. Итакъ, въ общей сложности, я далъ добровольно приблизиться къ себѣ Шеминанту на 1 часъ.

Въ Дингеймѣ мнѣ говорятъ, что я имѣю только двадцать шесть минутъ аванса надъ вторымъ. Я рѣшаюсь испытать свой резервъ и прохожу контроль и городишко Мютцингъ съ замѣчательной скоростью около 11 км. въ часъ. Въ продолженіи 20 минутъ ходьбы я «краду» у Шеминанта девять минутъ. Значитъ, я могу идти почти вдвое быстрее его... начать, «есть еще пороховъ въ пороховницахъ»... И, значитъ, не стоитъ беспокоиться надо только поддерживать среднюю скорость...

Въ предмѣстьи Страсбурга я имѣю еще на тринадцать минутъ больше аванса, чѣмъ въ Мютцингѣ. Но...

Теперь уже нѣтъ сомнѣнія, что я приду первымъ. Сотни автомобилей и велосипедистовъ, тысячи пѣшеходовъ, фотографы, кинооператоры, музыканты, громкоговорители — все это кружитъ голову... — Въ воздухѣ такой гулъ, что я не слышу голоса своего менаджера. Толпа мѣшаетъ мнѣ идти, кинооператоры тоже... они хотятъ, чтобы я имъ позировалъ... Извольте, вотъ вамъ поза, но дайте мнѣ дорогу...

У вокзала меня окружаютъ цѣлая бригада полицейскихъ, безъ помощи которыхъ я не смогъ бы пробраться на площадь Клебера

Теперь больше мѣста. Я иду такъ быстро, что толпа бѣжитъ за мною. Дѣлаю «почетный кругъ» съ предѣльной скоростью и перехожу линію «arrivée», сдѣлавши 523 км. въ 74 часа 8 минутъ и побивши мировой рекордъ ходьбы на эту дистанцію...

П. Юшковъ.

Отъ редакціи: Авторъ проситъ исправить неточность въ подписи къ фотографіи въ № 34 «И Р.». Эта фотографія изображаетъ прибытіе въ Труа, а рядомъ съ П. Юшковымъ не его жена (П. Юшковъ — холостъ), а королева спорта этого города.

ПАРИЖЪ - СТРАСБУРГЪ ВЪ 1930 г.

П. Юшковъ, пришедшій вторымъ, въ кругу спортсменовъ и поклонниковъ.

ТРИ РУССКИХЪ ТАЛАНТА

(См. стр. 9; Окончаніе)

А только, ваше величество, Сергѣевъ офицеръ преотличный.

— Любо послушать! обрадовался Петръ.

— Эй, капитанъ, выходи къ намъ!

Сергѣевъ вышелъ изъ-за пещки и потянулся за шляпой.

Поручикъ поглядѣлъ на царя, на Меншикова и, видя, что тотъ и другой улыбаются, спросилъ Сергѣева:

— Никакъ, Фома Афанасьевичъ, съ царскою милостью?! Радъ за тебя. Достоинъ,

право достоинъ. Помогъ Богъ!

— Ну, капитанъ, принимай отъ поручика обозъ! сказалъ царь. — Да не будь свиньей, вступи въ караулъ, смѣни со товарища, а онъ пусть съ нами водочкой отогрѣется.

И когда Сергѣевъ выходитъ изъ комнаты, Петръ закричалъ ему вслѣдъ:

— А третью загадку-то и забылъ?!

— Никакъ нѣтъ! обернулся Фома. — Сильный булата, смѣлый солдатъ, вѣрна, какъ конь, за ней хоть въ огонь.

— Ну?! сразу-же спросилъ царь.

— Царская милость! уже въ дверяхъ крикнулъ Сергѣевъ и вышелъ на дождливую ночь.

Еще до разсвѣта выгнать Петръ изъ Валуевки, чтобы скакать съ Меншиковымъ навстрѣчу обозамъ.

Проѣзжая Валуевку, царь крикнулъ въ темноту ночи:

— Кто въ караулъ?

— Капитанъ Сергѣевъ! донеслось изъ темноты.

Петръ придержалъ коня и спросилъ:

— Много-ли загадокъ въ запасѣ?

Шлепая по лужамъ, подбѣжалъ Сергѣевъ къ царю и, снявъ шляпу, отвѣтилъ:

— Во всѣхъ прорѣхахъ напихано, ваше величество.

— Богатъ ты, Сергѣевъ. Не гордись во богатствѣ! и уже тронулъ коня, когда капитанъ сказалъ вслѣдъ:

— Да нешто мое, ваше величество! Раня отъ шведки, волчокъ отъ Федьки, а загадки отъ денщика Петьки!

— Вотъ хлюсть! снова придержалъ коня Петръ. — Такъ что-же у тебя своего?

— А ничего, ваше величество. Одна смекалка!

— Ну, что? спросилъ царя Меншиковъ.

— Вотъ тебѣ и третій русский талантъ! Искусность, находчивость и смекалка. Плакали твои денежки!

— Проигралъ! согласился Петръ. — Твоя взяла.

Въ непогожей тѣмѣ захлесталъ дождь. Царь надвинулъ на самыя брови сыруш шляпу и, пустивъ коня широкимъ галопомъ, скривилъ губу:

— Имъ-бы, сучьимъ ребятамъ, Европу-бы поглядѣть, такъ черезъ сто лѣтъ за поясъ заткнуть могутъ!...

Влад. Гушикъ.

Ст. сержантъ Иностраннаго легіона НИКИТИНЪ, погибшій около Феца въ Марокко, при паденіи мотоциклетки.

РУССКАЯ КУХНЯ

Прошлое и настоящее нашего поварского искусства

Москва... Коллективизация, социализация... Общественные столовые, кухни-фабрики...
— Послушайте, господин завѣдующий, я изъ шей вторую веревку вылавливаю! — вопить посетитель общественной столовой.

Во-первыхъ, гражданинъ, это не веревка, а шпатель, а во-вторыхъ, это шпатель, на которомъ колбаса и ветчина висѣли. Отъ него одинъ только наваръ во щахъ подучается!.. У васъ, гражданинъ, буржуазныя наклонности не изжиты!.. Впрочемъ, по плану самокритики, я съ вами согласенъ. Сдѣлаю распоряженіе на кухню, чтобы лучше вылавливали!..

Гражданинъ завѣдующий! — оретъ кто съ другого конца столовой, — гвоздь нашелъ въ котлетѣ. Ей Богу, зубъ не беретъ. Попробуйте сами?!

Дѣйствительно! Вотъ мерзавцы, такой дефицитный товаръ, какъ гвозди, а въ котлеты суютъ!..

Революціонный Петербургъ... Зима... Выпаль глубокий снѣгъ. Сани легко скользятъ, иногда подпрыгивая на трамвайныхъ рельсахъ. Лихачи покрыли своихъ рысаковъ разноцвѣтными сѣтками. Широкая, пушистая, медвѣжья полость тепло покрываютъ ноги сѣдоковъ. Лихо подкатываютъ они къ салитому свѣтому подъѣзду.

Большой, двухсвѣтный залъ..

Все готово, — почтительно докладываетъ метръ д-отель.

Обѣдъ сервированъ на 20 человекъ. Цвѣты изъ Ниццы пѣжными пятнами, какъ настельныя краски на большомъ, овальномъ столѣ рядомъ съ блестящимъ хрусталемъ, серебромъ и фарфоромъ. По бокамъ стѣнъ разставлены «закусочные» столы съ безчисленными блюдами закусокъ и шеренгой бутылокъ водокъ и настоекъ.

А вотъ и меню обѣда, написанное непременно по-французски. Въ него, обыкновенно, входили слѣдующіе элементы:

Пель-эть или портеръ.

1. Французскій супъ, русская уха или борщокъ съ множествомъ сортовъ всевозможныхъ пирожковъ, вагрусекъ или же гренокъ.

Старая Мадера.

2. Рыба (стерлядь, лососина, осетрина, а изъ французскихъ рыбъ — сель или же горбо).

Бѣлое рейнское вино.

3. Суфлэ (воздушный пирогъ изъ омара, дичи или же набора всевозможнаго бѣлаго мяса) или

Страсбургскій пирогъ (паштетъ изъ гусиной печени съ трюфелями) съ кисло-сладкимъ соусомъ — Кумберлендъ или же Ворчестеръ.

Бѣлое бордосское вино.

4. Жаркое (сѣдло дикой козы, филе Годаръ, турнедо или же молодой вепрь).

Красное бордосское вино.

5. Замороженный пуншъ, съ ананасами.
6. Дичь (фазаны, молодые тетерева, рябчики, бекасы или же индѣйка, начиненная орѣхами).

Красное бургундское вино.

7. Сезонный салатъ.

8. Зелень (спаржа, молодой горошекъ или артишоки) съ 2 соусами.

Шампанское.

9. Парфэ (замороженныя сбитыя сливки съ ягоднымъ сокомъ).

10. Сыры.

11. Фрукты.

12. Кофе и ликеры.

«Контанъ», «Кюба», «Дононъ», «Эрнестъ», «Медвѣдь», «Эрмитажъ», «Большая Московская» и — нѣтъ имъ числа — все названіе ресторановъ, которые говорятъ многое петербуржцамъ и москвичамъ и всѣмъ вообще, кто бывалъ въ нашихъ столицахъ.

О русскомъ хлѣбосольствѣ — завтракахъ, сбѣдахъ и ужинахъ существуетъ цѣлая литература. Много знаменитыхъ людей въ своихъ мемуарахъ удѣлили мѣсто русской кухни.

Какъ ѣдали?!.. Есть, что вспомнить!

Кромѣ изысканныхъ обѣдовъ, изготовленныхъ по рецептамъ международной гастрономии, въ России были дешевыя, хорошия блюда, приводившія въ восторгъ каждого, кто къ нимъ прикасался: борщъ, уха изъ налима или изъ стерляди, растяган, кулебяки разныхъ сортовъ, пироги, пирожки, блины, поросенокъ подъ хрѣномъ — холодный, горячій поросенокъ съ кашей, пельмени, гурьевская каша и т. д.

Хорошій русскій гастрономъ къ каждому блюду прибавлялъ соответствующее прила-

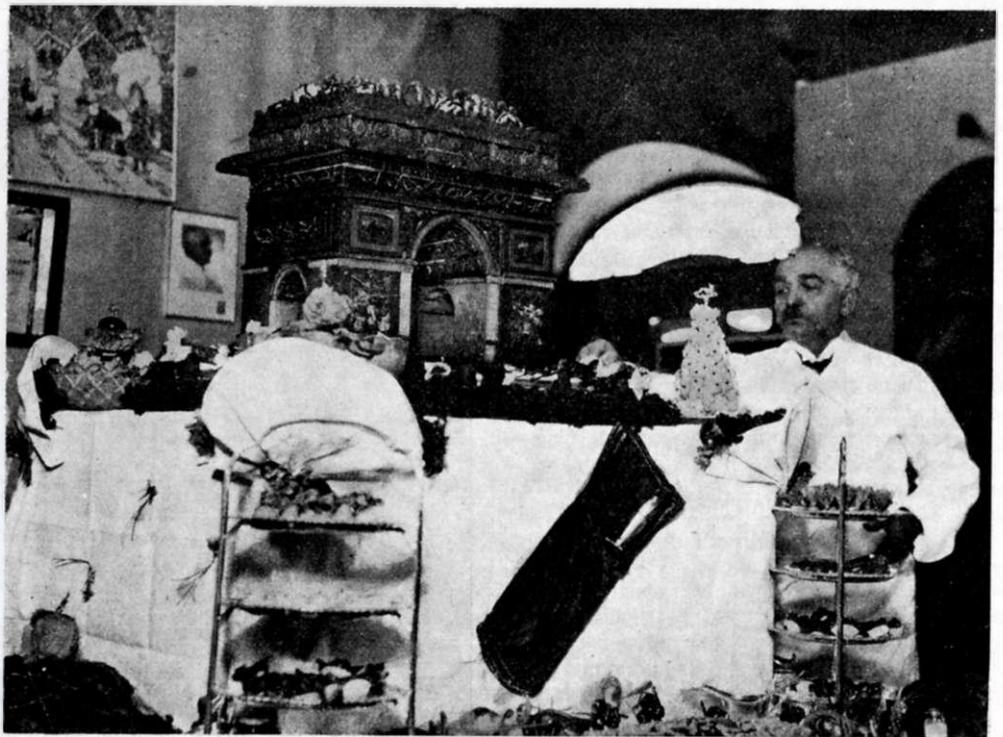
гательное. Сказать, наиримѣрь, — просто стерлядь. — Этого мало. Какая стерлядь — волжская, камская, двинская или шаховская? Самой лучшей считалась двинская — изъ Сѣверной Двины, а осетрина — кочегурская, форель — гатчинская, корюшка и навага — архангельскія, сига — ладожскіе, и сколько такихъ прилагательныхъ было въ странѣ, гдѣ все начиналось и кончалось за пирушечнымъ столомъ.

Въ эмигрантскомъ положеніи это нехорошо даже вспомнить. Хотя вкусовыя ощущенія и сильно притупились на «званныхъ бутербродахъ» и «кафе кремахъ», но все же они раздражаются, когда вообразишь себѣ колычникомъ на тарелкѣ двинскую стерлядь, желтоватую, золотистую съ переливами.

А икра?!.. На волжскихъ пароходахъ ее съ зеленымъ лукомъ ложками ѣли. Можетъ быть, это и профанация, но зато достойная самаго продукта. Она именно въ такомъ видѣ и вкусна, съ теплымъ калачикомъ и рюмкой замороженной водки.

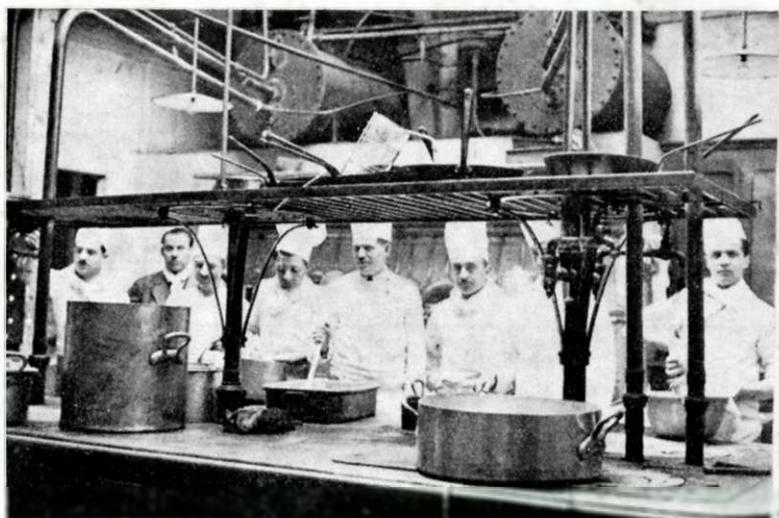
Угостить было въ традиціи и останется въ русскомъ народѣ, несмотря на социалистическія ши, кашу и котлеты и эмигрантское недоѣданіе.

Въ своемъ великомъ исходе, часть русскаго народа вывезла за границу все, чѣмъ болѣла и чему радовалась. Пѣсню, музыку, балетъ и обычай нашего гостеприимства, нашего желанія и умѣнія угостить. вмѣстѣ со всѣми покинули родину и русскіе повара

Ф. Д. КОРНИЛОВЪ

у сладкаго пирога въ видѣ Триумфальной арки, сдѣланнаго имъ въ теченіе пяти часовъ на первую выставку кулинарнаго искусства въ Парижѣ. Это произведеніе было удостоено диплома и золотой медали.

ВЪ СОВРЕМЕННОЙ КУХНѢ ВЪ ДЕНЬ ЗВАНАГО ОБѢДА

— эти маги и волшебники, присоединившие лавровую вѣтку своего искусства къ древку русскаго національнаго флага. Ихъ последнее изъ могиканъ. Миѣ захотѣлось ихъ видѣть и побесѣдовать съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Ф. Д. Корниловъ — убѣжденный сѣдинами старикъ. Сынъ богатыхъ родителей, учится въ гимназии, но несмотря на возможныя перспективы, увлекся поварскимъ искусствомъ и волею 57 лѣтъ работаетъ около своего любимаго дѣла. Въ его ресторанѣ мало вхожь эмигрантскій людъ, но зато иностранныя знаменитости и наши русскія респектабельны въ «золотой книгѣ» этого «храма гастрономии»: Альфонсъ XIII, его супруга, король и королева Сиамскіе, Вандербильдъ, Мартена Дитрихъ, Рамонъ Новарро, Петтерсонъ, Шевалье, Рахманновъ, Шалашинъ, — все подписи, экспромты въ прозѣ и стихахъ. Есть рисунки и автопортреты.

Ф. Д. Корниловъ знаетъ и любитъ свое дѣло. Когда онъ у плиты, онъ творитъ. Онъ художникъ не только въ подборѣ вкусовыхъ эффектовъ, но и въ исполненіи нѣкоторыхъ блюдъ.

Триумфальная арка — сладкій пирогъ, — говоритъ Ф. Д. Корниловъ, — изготовленный мною въ течение пяти часовъ на первую выставку кулинарнаго искусства въ Большомъ Дворцѣ въ Парижѣ. Получилъ дипломъ и золотую медаль. Вотъ корабль плаколадный — десертъ на обѣдѣ англійскаго клуба, во время пріема принца Уэльскаго. Но все это отдѣльные эпизоды моей многолѣтней практики. Теперь времена друга, да и люди перемѣнились. Во время пріѣзда въ Россію, передъ войной, президента Пуанкаре для параднаго обѣда въ Зимнемъ дворцѣ работало вмѣстѣ со мною 52 повара и 105 человекъ помощниковъ. Обѣдъ приготовлялся на 12 блюдъ.

— Много было специально русскіихъ блюдъ?

— Русская кухня тяжелая. 12 блюдъ, пожалуй, не подъ силу и московскому кушцу. Такіе обѣды, въ большинствѣ случаевъ, готовились по французскому образцу. Вообще, въ Россіи, особенно придворной, въ послѣднее время, была введена французская кухня. Она доминировала. Это здѣсь, въ эмиграціи, я веду русскую секцію, но тамъ, въ Россіи, мы придерживались началъ, заложенныхъ нашими учителями — французами: Ингано, Зеестомъ, Оливье, Кюба и другими. Если нѣкоторыя, даже чисто французскія, блюда, приготовленные русскими поварами, и восхищаютъ любителей хорошо покушать, то это надо отнести, ужъ извините, похващаемся, къ области нашего русскаго умѣнья перешеголять своихъ же учителей, а отчасти и къ качествамъ бы-

лыхъ русскіихъ продуктовъ. Но не всегда наши продукты могли отвѣчать своему назначенію. Напримеръ, телятина. Для торжественныхъ обѣдовъ мы выписывали ее изъ Франціи. Но теперь и во Франціи нѣтъ такой телятины. Послѣ войны перестали такъ откармливать телятъ. Нѣтъ спроса. Цыпленка — самая лучшая были финляндскія изъ инкубаторовъ.

— Вы большой сторонникъ французской кухни?

— Всякая кухня имѣетъ свои преимущества, но у себя на родинѣ. Нельзя, однако, отрицать того, что французская кухня до сихъ поръ непревзойдена. Она широка, имѣетъ большую гамму, съ ней легче оперировать почти вездѣ. Русская кухня специфическая и, прежде всего, требуетъ своего климата. Возьмите — пирожки. Въ Россіи въ хорошихъ ресторанахъ приготовлялъ ихъ специалистъ, причемъ начинать печь передъ обѣдомъ и печь все время, чтобы подать горячими. Кухня, гдѣ неклись пирожки, должна имѣть опредѣленную температуру. Нельзя, чтобы пирожокъ сквознякъ продуть, и покрыть ихъ салфеткой тоже нужно умѣючи — это наука, практика и любовь къ дѣлу, а все вмѣстѣ даетъ тотъ эффектъ, что у васъ во рту онъ таетъ...

Въ Парижѣ, не у себя въ дѣлѣ, а у чужихъ, работаетъ другая знаменитость.

— Можно повидать П. И. Ловцова? — спрашиваю въ одномъ изъ ресторановъ у Елисейскихъ Полей.

Пожалуйста, на кухню — внизи.

Спускаюсь по темной лѣстницѣ. Въ чистомъ полуподвалѣ, за столомъ, съ газетою въ рукахъ, отдыхаетъ послѣ завтрака П. И. Ловцовъ. Широкое русское лицо, съ дая голова и ласковая, располагающая улыбка.

— Русская кухня, говорите? Съ ней связывается вся ширь и размахъ русской натуры. Кухня сочная, питательная, богатая, но, къ сожалѣнію, сегодня не по карману намъ, эмигрантамъ. У Александра III былъ специальный русскій поваръ Михаилъ Ивановичъ Мурловъ. Это онъ готовилъ знаменитый борщикъ, московскую жидкую селянку. Я былъ много лѣтъ шефомъ кухни брата императора, Великаго Князя Алексѣя Александровича. Онъ, какъ и Александръ III, любилъ русскую кухню. Закажетъ, напримеръ, борщикъ. Готовили мы его специально — это наваръ на говядинѣ, телятинѣ, курицѣ и свининѣ со всеми полагающимися дополненіями. Къ такому борщу полагалось 5-6 сортовъ разныхъ пирожковъ, 2-3 сорта ватрушекъ, затѣмъ «грешники», и иногда и крупеникъ (гречневая каша съ творогомъ, сметаной и сливками, особеннымъ образомъ приготовленная). Послѣ этого лакей подне-

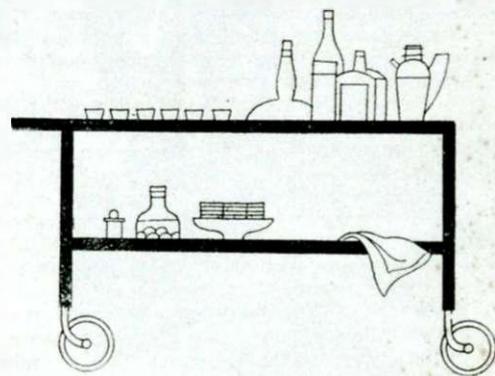
сетъ варенаго мяса. Не думайте, что это кусочекъ! Кусище въ полъ пуда! Тутъ каждый себѣ и вырѣжетъ, кто съ жиркомъ, кто у коточки, кто съ хрящикомъ. Послѣ такого борща маленькій кусочекъ рыбки, или цыпленокъ, или рябчикъ и десертъ. Вообще Алексѣй Александровичъ предпочиталъ русскую кухню и любилъ, чтобы подано было много и богато. Если ростбиффъ, — то зажаривали его не меньше пуда, тогда онъ сочный и вкусный. Больше же всего онъ любилъ московскую селянку. Рыбу нужно было покупать только живую. Стерлядь, осетрину, филе изъ окуней, ершей, корюшки и прочаго. Такая селянка, дѣйствительно, напоминаетъ нѣкій нектаръ. Съѣсть бывало дѣтъ тарелки и десертъ требуетъ. А обѣдъ готовимъ въ пять, шесть блюдъ, и готовимъ всегда на нѣсколько человекъ. Неизвѣстно сколько человекъ будутъ приглашены къ обѣду: двое или пять. Не дай Богъ, если чего-нибудь не хватитъ. «У русскіихъ всегда должна быть полная чаша и полный столъ», — говоритъ Великій Князь... Были времена, да и люди другие. Сейчасъ все измѣнилось, даже продукты не тѣ. Такой земляники, какъ въ Россіи, здѣсь нѣтъ. Бывало сдѣлаешь тортъ земляничныи, внесутъ его въ столовую, и вся она наполнится запахомъ свѣжей земляники, если хотите, повеетъ лѣсомъ, цвѣтами, свѣжимъ воздухомъ. Здѣсь не то — большая она, но водянистая. Нѣтъ того соку, что родная русская земля давала.

Даже грустный сталъ вдругъ Поликарпъ Ивановичъ, но вспомнилъ и улыбнулся.

— А помните, наши закуски, возьмите простыя, несложныя: тартинка хлѣба съ маслицемъ, на ней ломтикъ свѣжаго помидора, затѣмъ ложка холодной вернистой икры, а сверху грудка рябчика!!!...

— Не раздражайте! — воскликнулъ невольно я и, пожавъ руку, пошелъ дождать на ужинъ оставшіяся послѣ обѣда эмигрантскія макароны...

А. Матвѣевъ.

Земельки репортера

В эмиграции сейчас много говорят об амнистии. Но правду сказать, амнистия имела для нас интерес чисто академического характера. Любителей воспользоваться советским прощением найдется не много. Какая-бы гарантия не дали большевики, — им все равно не повярять.

Нельзя скрывать и того, что за истекшие 15 лет многие устроились, обзавелись семьями, имбуют скромный, но вѣрный кусок хлѣба. Таких — сотни тысяч, и никаким посулам они не повярять, ни на какую авантюру не пойдут.

Кто же, в концѣ концов, жаждет вернуться — не просто в Россію, а в Россію советскую?

Ничтожная горсточка разочарованных, обезсѣвших въ борьбѣ людей. Не устроившихся, потерявших всякую надежду, навших духомъ.

Одинъ изъ нихъ, безработный, уже немолодой человекъ, недавно не выдержавъ гнѣбной, голодной жизни и отправился въ советское учреждение — просить объ амнистии въ частномъ порядкѣ.

Чиновникъ нагло осмотрѣлъ его съ головы до ногъ и сказалъ:

— Можете подавать прошение на имя ВЦИКА. Но на успѣхъ не рассчитывайте... Намъ такіе не нужны!

Заплеванный, оскорбленный, онъ ушелъ изъ сов. учреждения, такъ и не подавъ прошения.

Тотъ человекъ больше не думаетъ о возвращеніи въ СССР.

Эмигрантскія газеты обошла исторія Елены Петровны Вербицкой, указавшей большевикамъ мѣсто въ Енисейскѣ, гдѣ ее покойный мужъ зарылъ 400 килограммовъ золота.

Вербицкий былъ директоромъ крупнаго золотопромышленнаго предприятия въ Сибири. Когда началась эвакуация, онъ спряталъ въ своемъ домѣ 2 клада: 300 кило золота замуровалъ въ стѣну дома, и 100 кило подъ поломъ, на кухнѣ. Во время гражданской войны Вербицкий былъ убитъ. Вдова его добралась до Европы и вела здѣсь скромную, грудную жизнь эмигрантки.

До сихъ поръ исторія не содержитъ ничего невѣроятнаго. Но 11 февраля 1934 года — такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ московскій корреспондентъ «Кельнше Цейтунгъ», къ Вербицкой явится хорошо одѣтый молодой человекъ, представившійся, какъ сотрудникъ торгпредства.

— Мы знаемъ, что въ Енисейскѣ вашъ покойный мужъ зарылъ нѣсколько ящиковъ съ золотомъ. Сов. правительство склонно вернуть вамъ часть этого золота при условіи, что вы прїѣдете въ Енисейскъ на нѣсколько дней и укажете мѣстонахождение склада.

Постъ долгихъ колебаній Вербицкая приняла предложеніе. Сов. правительство гарантировало ей абсолютную безопасность и право вывезти за границу 40 проц. золота.

Подъ бдительнымъ окомъ ГПУ Вербиц-

кая отправилась въ Енисейскъ. Нашла свой старый домъ. Тутъ ее ждало серьезное разочарованіе. 300 кило золота, замурованные въ стѣну, давно были найдены чекистами. Но оставались еще 100 кило, зарытые на кухнѣ.

Вербицкая приказала ломать полъ и рыть на глубинѣ 1-2 аршина лопата наткнулась на деревянный ящикъ...

Далѣе корреспондентъ нѣмецкой газеты описываетъ невѣроятный банкетъ, который ГПУ дало въ честь Вербицкой. И, «само собой разумѣется», ей позволили вывезти обещанную долю клада...

Все это чрезвычайно смахиваетъ на авантюрный романъ, за подлинность котораго мы не поручились бы. Но вотъ, дѣйствительно, подлинная исторія одного клада. Кончается она не столь благополучно, какъ исторія Вербицкой.

При оставленіи Казани бѣлой арміей, въ лѣсу, въ пустынномъ мѣстѣ, были зарыты весь золотой запасъ казанскаго казначейства. Объ этомъ знали лишь 4 человекъ. Трое были востѣдствии убиты или умерли въ эмиграции. Въ живыхъ остался только одинъ.

Сов. правительство предложило ему за громадное вознагражденіе указать мѣсто, гдѣ зарытъ кладъ. Былъ подписанъ договоръ, создано специальное акционерное общество. И осенью 1928 года три члена этого общества отправились въ Сов. Россію. Имъ была обещана абсолютная неприкосновенность.

Прїѣхавъ въ тѣсь подъ Казань. Наши зарубки, сбланные на деревьяхъ. Кладъ находился въ 50 метрахъ отъ этихъ зарубокъ.

И тутъ внезапно большевики прекратили розыски подъ тѣмъ предлогомъ, что выналь снѣгъ.

— Будущей весной вы вернетесь въ Казань и мы возобновимъ поиски

Кладискатели запротестовали. Но сопровождавшие ихъ агенты ГПУ дали понять, что лучше всего убираться по добру по здорову... И они уѣхали.

Большевики затѣмъ спокойно раскопали кладъ. Люди, указавшіе имъ мѣстонахождение золота, не получили, конечно, ни одного рубля.

Вотъ за подлинность этой исторіи мы абсолютно ручаемся.

Барту проветъ свои каникулы въ Швейцарии, на берегу озера Четырехъ Кантоновъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ жаждетъ покоя и одиночества. Какъ на бѣду, какая-то дама познакомилась съ нимъ въ холлѣ отеля и не давала ему проходить.

Наконецъ, министръ не выдержалъ.

— Мадамъ, я вижу, что вы принимаете меня за Барту, сказать онъ поткой сожалѣнія въ голосъ. Въ самомъ дѣлѣ, я очень на него похожъ. Многихъ обманываетъ наше сходство... Но я только его двойникъ, мадамъ...

— Ради Бога, извините меня!.. Мнѣ очень неприятно...

— Что вы, что вы, мадамъ!..

И съ этого дня Барту обрѣтъ покой. Назойливая дама больше къ нему не подходила.

Популярная на Монмартрѣ «Нить» открыла этимъ дѣтомъ пансіонъ въ Сэнъ Тропе-зѣ. У нея поселился на мѣсяцъ журналистъ Жео Лондонъ. Недавно съ Жео Лондономъ случилась неприятность: у него украли бумажникъ, въ которомъ было 7.000 франковъ. Пришлось пригласить жандармовъ.

— Вы съ кѣмъ-нибудь ужинали вчера вечеромъ? спросили жандармы.

— Да...

— Отлично! Можетъ быть, мы попали на правильный путь. Съ кѣмъ вы обѣдали?

— Съ Кьяшомъ.

Жандармы растерялись.

— Все-таки... Вы не подозреваете бывшего префекта полициі?..

Жео Лондонъ долженъ быть признать, что Кьяшъ находится виѣ подозрѣнія.

— Тогда мы рѣшительно не знаемъ, гдѣ искать ваши деньги.

7.000 франковъ Жео Лондона исчезли безслѣдно.

Два эмигрантскихъ писателя шли ночью по пустыннымъ парижскимъ улицамъ. Ночь была прекрасная. Настроеніе философское.

У дома на набережной Малакэ, въ которомъ родился Анатолий Франсъ, они увидѣли памятную мраморную доску. Помолчали. Потомъ одинъ писатель сказалъ прямо:

— Хорошій, въ сущности, у нихъ этотъ обычай: прибывать памятные доски... А вотъ мы съ тобой померемъ... Интересно, какую надпись на нашихъ домахъ сдѣлаютъ?..

Пауза. Второй писатель:

— Я знаю. Вывѣсить объявленіе: «Сдается квартира».

Предсѣдатель парламентской анкетной комиссиі Геріо разсказать журналистамъ забавную исторію, приключившуюся съ нимъ нѣсколько дней назадъ.

— Съ утра мнѣ нужно было повидать министра юстиціи Шерона. Но можно ли звонить министру на квартиру, въ 8 часовъ утра? Рѣшилъ ждать до половины девятаго.

Наконецъ, беру трубку и вызываю: Пас-сенъ номеръ такой-то. Отвѣчаетъ мелодичный женскій голосъ.

— Могу я говорить съ г. Шерономъ?

— Не знаю, гдѣ сейчасъ находится г. Шеронъ, отвѣтилъ дамскій голосъ. Но, даю вамъ честное слово — не въ моей постели! Геріо ошибся номеромъ.

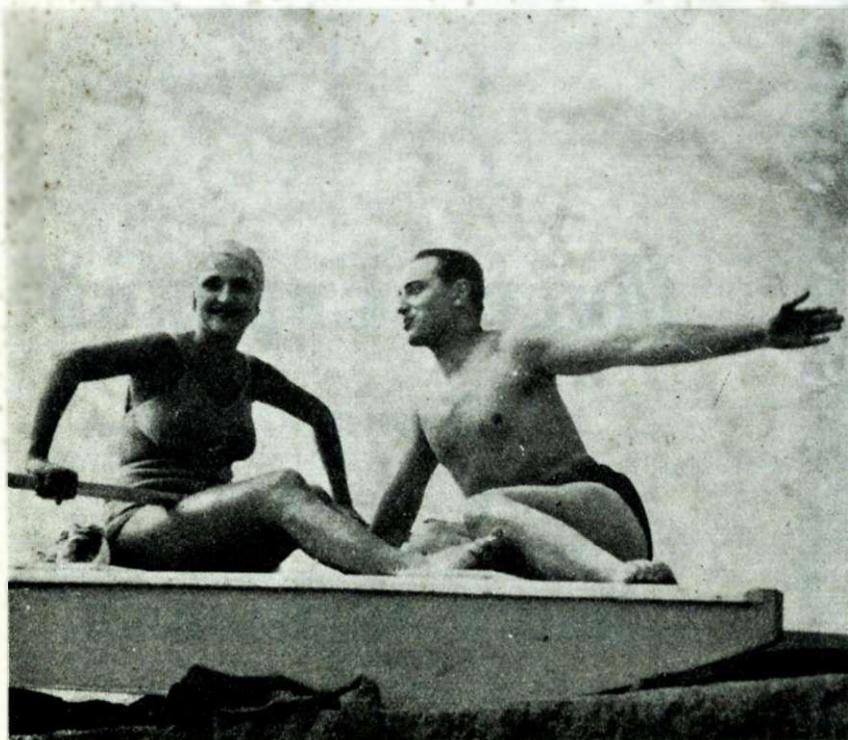
Объявленіе, вырѣзанное изъ одной вечерней парижской газеты:

«Требуется садовникъ, умѣющий мыть автомобиль, кухарку и фамъ де менажъ».

Вотъ ужъ, дѣйствительно, на всѣ руки мастеръ!

Желѣзная Маска.

КАКЪ ОНЪ ОТДЫХАЮТЪ

Французская звѣзда экрана АЛИСА ФЬЕЛДЪ проводитъ свой лѣтній отдыхъ въ Біаррицѣ и, конечно, не въ одиночествѣ.

Американская звѣзда экрана КЭЙ ФРАНСИСЪ собирается выйти замужъ за Мориса Шевалье.

Наша сотрудница Н. А. ТЭФФИ прощается съ лѣтомъ на изумрудныхъ берегахъ Марны.

М-ль Х., еще не ставшая звѣздой, ищетъ сильныхъ ощущений, буксируемая по морскимъ волнамъ моторной лодкой.

«Мисс Европа» Эстеръ Тойвоненъ

„Миссъ Европой“

въ Гастингсѣ (Англія)

ИЗБРАНА

„Миссъ Финляндія“

Фото Мануель

«Мисс Россия» на карнавалѣ въ Гастингсѣ.

Поѣздка европейскихъ красавицъ по Франціи и Англии превратилась въ занимательнѣйшій пикникъ красоты и молодости, во время котораго цѣлый рядъ французскихъ городовъ поперебой старались проявить въ отношеніи «европейскихъ мисс» какъ можно болѣе вниманія и гостепрѣимства.

Эта поѣздка началась съ Виши, куда европейскія красавицы прибыли изъ Парижа въ отдѣльномъ вагонѣ еще 18 августа вечеромъ. На другой день онѣ были приняты мэромъ города, причемъ каждой «мисс» былъ поднесенъ букетъ цвѣтовъ, перевитый лентами ея національныхъ цвѣтовъ. Вечеромъ состоялся торжественный банкетъ въ ресторанѣ Руаяль, причемъ, при входѣ было такъ много публики, что виновницы торжества не могли войти въ залъ. Автокару пришлось остановиться немного далѣе, была вызвана конная полиція, которая оцѣпила всю улицу, и только послѣ этого гости поплы къ обѣду.

Въ Виши пробыли цѣлую недѣлю, во время которой шли непрерывныя увеселенія и танцевальныя вечера. 23 августа въ окрестностяхъ Виши состоялся «праздникъ цвѣтовъ». Были поданы разукрашенныя коляски, въ которыя сѣло по двѣ «мисс». Во время балаши цвѣтовъ «Миссъ Россія» имѣла громадный успѣхъ. Ей не давали проѣхать, прося подписать на память фотографии и забрасывая ее цвѣтами.

Во время пребывания въ Виши европейскія красавицы получили цѣнные подарки.

27 августа прибыли въ ле-Боль (въ Бретани), гдѣ, несмотря на дождь, празднества

прошли очень удачно и съ большимъ оживленіемъ. 30 августа на автокарахъ къ вечеру пріѣхали въ Довиль, въ которомъ обычно проводитъ лѣто Е. С. Антонова. Здѣсь ее встрѣтили съ цвѣтами ея отецъ и братъ.

Въ Довиль европейскія красавицы представлялись публикѣ въ костюмахъ пляжа. «Миссъ Россія» была въ бѣлой пижамѣ, за которую она нѣсколько времени тому назадъ получила въ Довилѣ первый призъ.

2 сентября состоялся завтракъ въ Отелѣ Нормандія, послѣ чего отбыли въ Дьешъ, а оттуда на пароходѣ черезъ Ла-Маншъ въ Нью-Хэвенъ, гдѣ туристокъ ждали автокары для доставки до конечной цѣли путеше-

ствія — Гастингса.

4 сентября въ Гастингсѣ снимались для Парамонута. Вечеромъ состоялся большой обѣдъ съ участіемъ мэра города. «Королевамъ красоты» на этотъ разъ были поднесены букеты, перевитые бѣлыми лентами.

Выборы «Миссъ Европы 1934» состоялись въ субботу, 8 сентября. Избранной оказалась «Миссъ Финляндія» г-жа Эстеръ Тойвоненъ, портретъ которой мы приводимъ.

Въ воскресенье, 9 сентября, состоялся большой пріемъ въ Лондонѣ, въ отелѣ «Вашингтонъ», а 11 сентября всѣ «мисс» набравшись впечатлѣнія и выполнивъ свой «гражданскій долгъ» пустились въ обратный путь.

ПАРИЖСКИЯ МОДЫ

Для начала новаго зимняго сезона, я рѣшила дать въ этомъ номерѣ модели тѣхъ вещей, которыя являются самыми существенными въ обновляющемся гардеробѣ каждой женщины, а именно: два дневныхъ шерстяныхъ платья и два пальто.

Теплое платье изъ шерстяной материи необходимо каждой женщинѣ. Оно должно быть безъ всякихъ претензій, легко одѣваться, быть практичнымъ и уютнымъ. Очень красиво отдѣлывать такое платье чѣмъ-нибудь болѣе свѣтлымъ въ тонъ, или даже вставкой.

Къ такому платью хорошо сдѣлать жакетъ «три четверти» изъ такой же материи. Получится прелестный демисезонный костюмъ для спорта. Такой жакетъ долженъ быть широкимъ въ формѣ «рагланъ», съ большими карманами и воротникомъ изъ той-же материи.

Пальто для зимы я совѣтую вамъ сдѣлать изъ «велур-де-лена». Самымъ элегантнымъ быть и будетъ, конечно, черный цвѣтъ. Такое пальто необходимо отдѣлать мѣховымъ воротникомъ:

Жаклинъ.

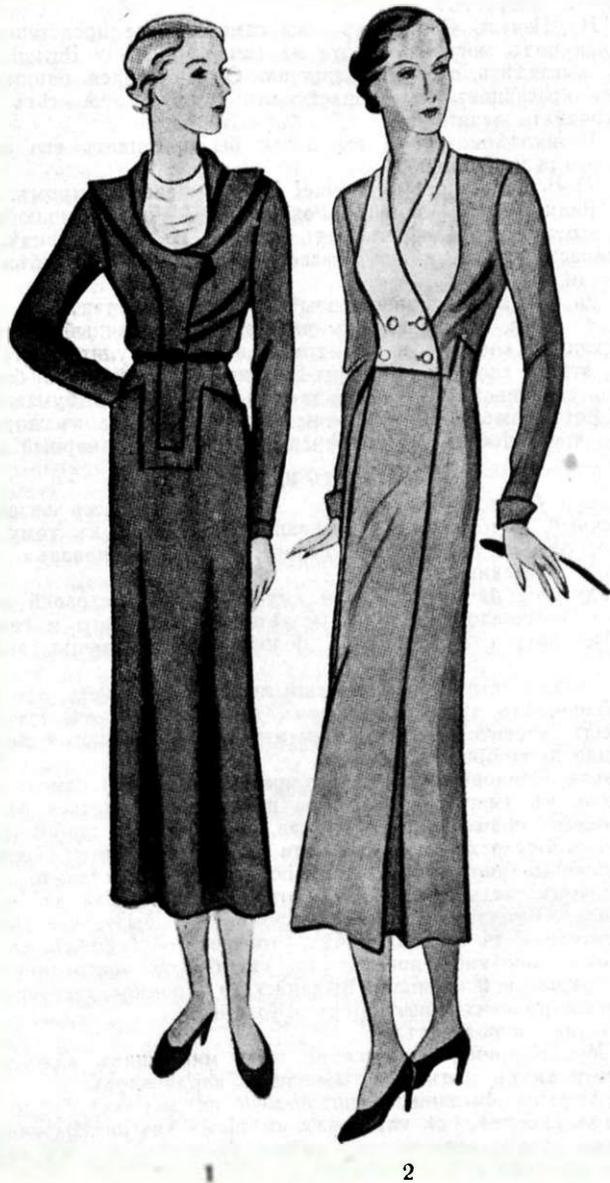

Рис. 1. Красное шерстяное платье, отдѣланное двойнымъ воротникомъ, изъ подъ котораго видна вставка. «Дэкугъ» юбки образуетъ карманы. 2 метра 50, въ 1 метрѣ 40 шириной. Патронъ на-заказъ.

Рис. 2. Коричневое платье изъ шерстяной материи, прилегающее въ талии и отдѣланное бежевымъ пластрономъ изъ такой же материи. Пластронъ застегивается на 4 пуговицы: 2 метра 50, въ 1 метрѣ 40 шириной. Патронъ 5 фр. 50 съ пересылкой.

Рис. 3. Жакетъ «три четверти» формы рагланъ. Большой воротникъ изъ той же материи. 2 метра 80, въ 1 метрѣ 40 шириной. Патронъ на-заказъ.

Рис. 4. Элегантное пальто изъ плотной шерсти, съ сильно заходящими полами. Оно плотно прилегаетъ къ талии. Кокетка спины, передня части и рукава кроются изъ одного куска. Мѣховый воротникъ. 3 метра 25, въ 1 метрѣ шириной. Патронъ 5 фр. 50.

Повѣсть Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКАГО

НОСОРОГЪ ВЪ СИРЕНЕВОЙ ВИЗИТКѢ.

1.

Человѣкъ изъ подъ моста Александра III-го.

Нѣтъ, нѣтъ, милый Тихорѣцкій, этотъ номеръ совсѣмъ не пройдетъ! Для нашихъ князей и графовъ миновали «прекрасные дни Аранжуэца». Поэтому я и не воспользуюсь вашимъ протече...

Лѣтъ восемь назадъ всѣ они были въ модѣ и за ними охотились не знатныя, но богатыя иностранки, желая украсить дворцы своихъ автомобилей и углы носовыхъ платковъ соответствующими коронами...

— Да, но мой «протече» — грузинскій князь...

— И того хуже! — махнулъ рукой Колонна-Быдлинскій, — послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ браковъ, послѣ громкихъ скандаловъ съ такими же скандальными разводами и прочимъ, акци «кавказской» аристократии упали окончательно на Нью-Йоркской и Чикагской биржѣ... Теперь эти «невѣсты» поумнѣли и стали разборчивѣе...

Нѣтъ, миленькій мой, день ото дня становится труднѣе для нашего брата, спекулирующаго на человѣческой глупости и человѣческомъ тщеславии...

А, между тѣмъ, мнѣ какъ разъ — вынь да положь сейчасъ, какого-нибудь титулованнаго господничка со звучнымъ европейскимъ именемъ.

Разговоръ этотъ происходилъ въ просторномъ кабинетѣ «модернъ», выходящемъ двумя окнами на площадь Святого Августина, между директоромъ и его секретаремъ.

Павель Осиповичъ Колонна-Быдлинскій былъ широкъ, тученъ, но даже и для его фигуры, лицо казалось черезчуръ мясистымъ и крупнымъ. Такой же крупный, съ чувственными толстыми губами, ротъ... Черепъ, какъ тыква, съуживался кверху. Свиные глаза — въ вѣчномъ движеніи, иногда притворно ласковые, иногда откровенно злобные. Если мы прибавимъ къ этому лысѣющую сѣдину головы и жидкіе пепельно-сѣдые усы и бородку, то портретъ директора «Дѣловаго Кабинета» на пласъ Сентъ-Огюстенъ, будетъ законченъ.

Одѣтъ Павель Осиповичъ въ легкомысленную для его возраста сиреневую визитку съ красной гвоздикой въ одной петличкѣ и розеткой крупнаго иностраннаго ордена — въ другой...

Прямую противоположность своему патрону являлъ его секретарь, графъ Сергѣй Аполлоновичъ Тихорѣцкій.

Высокій, стройный съ бритымъ, почти классическимъ лицомъ, онъ былъ одѣтъ съ выдержаннымъ вкусомъ, обладалъ мягкими женственными манерами, а чешуя золотой браслетки охватывала запястье его холеной, съ длинными пальцами, руки.

Въ сосѣдней комнатѣ открылась и закрылась дверь. Чье-то робкое откашливанье...

— Узнайте, кого тамъ чортъ принесъ? — хриплымъ полушопотомъ сказала Колонна-Быдлинскій.

Вѣроятно, Роксановъ...

Черезъ минуту Роксановъ вошелъ въ кабинетъ.

Это былъ очень длинный молодой человѣкъ съ крупными, рѣзкими чертами лица, густо заросшими колючей щетиной. Надъ высокими лбомъ — буйная копна черныхъ волосъ. Темное изжеванное пальто, короткіе измятые панталоны... Но ни убогий костюмъ, ни колючая щетина не могли скрыть хорошихъ манеръ молодого человѣка.

— Ну, какъ дѣла! дорогой мой? — покровительственно встрѣтилъ вошедшаго Колонна-Быдлинскій, добавляя съ широкимъ жестомъ — садитесь!

— Да, что тамъ, Павель Осиповичъ, какія мои дѣла?

— Да, да нашему брату — эмигранту несладко живется, — вздохнулъ «директоръ», вынимая плоскій золотой портсигаръ, не хотите ли папирочку...

— Благодарю васъ, я, какъ вы знаете, не курю...

Милостивый приемъ былъ многообѣщающъ. Роксановъ угадывалъ: онъ зачѣмъ-то понадобился Быдлинскому...

Удивляюсь я вамъ, Роксановъ, — сочувственно качая головой, молвилъ Павель Осиповичъ, — съ вашимъ образованиемъ, вашимъ французскимъ языкомъ, феноменальной памятью и «знатной» родней, какъ хорошо могли бы вы устроиться!...

Глядя на «директора» яснымъ, открытымъ взглядомъ, молодой человѣкъ отвѣтилъ:

— Я то еще ничего, у меня хоть мансарда имѣется, правда, ни встать, ни сѣсть, но хоть крыша надъ головой... А, вотъ я знаю человѣка, — бывший гвардейскій офицеръ, гремя языками владѣетъ безподобно, а имя — ну, совсѣмъ герой французскаго романа!.. Такъ надъ нимъ и крыши нѣтъ, ночуетъ подъ аркою моста Александра III-го... И, вообразите, какая иронія судьбы — того самого моста, при закладкѣ котораго отецъ его, въ блестящей кирасирской формѣ, сопровождалъ Императрицу Александру Федоровну...

— Императрицу? — недовѣрчиво перебилъ Колонна-Быдлинскій.

— Да, вѣдь, она же вмѣстѣ съ Государемъ и Президентомъ, Феликсомъ Форомъ положила первый камень...

— Гмъ... это, дѣйствительно, забавно... Отецъ на мосту, — а сынъ подъ мостомъ, — и Павель Осиповичъ хрипло разсмѣялся собственному каламбуру, — а какъ его зовутъ, этого бѣднягу?

— Графъ Евгений Меранвиль-де-Сентъ-Кларъ, прямой потомокъ крестоносцевъ, завоевавшихъ Иерусалимъ и создавшихъ тамъ Орденъ Святого Лазаря...

— Вотъ какъ, это чертовски шикарно! — заинтересовался толстякъ, что-то соображая.

Надавивъ животомъ край стола, онъ потянулся пухлыми, короткими пальцами въ дорогихъ перстняхъ къ металлической подставкѣ, зажимавшей нѣсколько переплетенныхъ томиковъ...

— Тихорѣцкій!

Секретарь выросъ на порогѣ кабинета, успѣвъ вооружить глаза моноклемъ.

— Прикажете, Павель Осиповичъ.

— Вотъ Готскій альманахъ. Отыщите графовъ... какъ ихъ тамъ, Роксановъ?..

— Меранвиль де-сентъ-Кларъ, — повернулся молодой человѣкъ къ секретарю.

Тихорѣцкій перелистывалъ томикъ, бѣгло просматривая мелкій убористый текстъ.

— Есть. Нашелъ. Полторы страницы...

— Полторы страницы?.. Это очень хорошо! — одобрилъ Колонна-Быдлинскій, — знаете, Роксановъ, вамъ нѣтъ цѣны... Неужели, дѣйствительно, подъ мостомъ?.. А какъ онъ выглядитъ... вѣшность, возрастъ?

— Ну, Павель Осиповичъ... вы сами можете представить себѣ... арка подъ мостомъ — это не апартаментъ у Ритца... тамъ трудно выглядѣть особенно хорошо. Онъ считался однимъ изъ первыхъ красавцевъ въ гвардейскомъ корпусѣ... А лѣтъ ему... лѣтъ тридцать девять

— Великолѣпно-сь! А вы могли бы притащить его сюда?..

— Когда же именно?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Хотя бы завтра утромъ.

— Видите-ли, — замялся Роксановъ, — онъ самолюбивъ и гордъ, этотъ «человѣкъ изъ подъ моста»... Въ такомъ видѣ, какъ онъ сейчасъ, врядъ ли онъ согласится покинуть свое убѣжище... вотъ, если бы...

— Да, да, конечно, вы правы! Мы сдѣлаемъ такъ: — экипируйте его пока, на скромныхъ началахъ... Приличный, чуть-чуть подержанный костюмъ и все остальное можно купить за гроши...

Съ этими словами, Колонна-Быдлинскій полѣзъ въ боковой карманъ сиреневой визитки, вытащилъ объемистый бумажникъ.

— Вотъ вамъ четырехста монетъ на приведеніе въ порядокъ вашего «крестоносца»... А сто франчей вамъ, — на черный кофе...

2. «Голосъ крови»...

Павель Осиповичъ успѣлъ приготовиться «къ экзамену». Осторожный, недовѣрчивый, имѣвшій основанія и къ тому и къ другому, онъ съ одинаковой строгостью «экзаменовалъ» и военныхъ и штатскихъ.

Свѣдующіе люди заполнили ему нѣсколько тетрадей весьма цѣннымъ матеріаломъ: это была лѣтопись свѣтскаго и гвардейскаго Петербурга за послѣдніе полвѣка до революціи, включительно.

Изъ этихъ тетрадей Быдлинскій легко могъ узнать, кто и когда командовалъ тѣмъ, или инымъ полкомъ, кто въ такомъ-то году былъ директоромъ департамента и кому и когда пожаловано было придворное званіе.

Павель Осиповичъ не разъ уличалъ во лжи и самозванствѣ гѣхъ, кто, въ эмиграціи, былъ не прочь принарядиться въ павлиньи перья: повыситъ себя на два, на три чина, приписать себѣ камеръ-кюнкерскій мундиръ, или позолотить свою скромную, часто даже не дворянскую, фамилию громкимъ титуломъ.

Впрочемъ, весьма въ этомъ отношеніи строгій къ своимъ клиентамъ, «директоръ дѣловаго кабинета» былъ чрезвычайно снисходителенъ къ самому себѣ: только очутившись въ эмигрантскомъ разсѣяніи, почелъ онъ «за благо» присоединить къ своей мѣшанской фамилии Быдлинскаго, громкое, историческое имя древне-римскихъ патрицевъ «Колонна».

Онъ такъ и пояснялъ:

— Мы, Колонна, тареемся во тѣмѣ минувшихъ вѣковъ. Мы дали Риму двухъ папъ и четырнадцать кардиналовъ.

До Парижа, Быдлинскій подвизался въ Берлинѣ, а до Берлина — въ Польшѣ, гдѣ управлялъ имѣніемъ княгини Вязьменской и до того «доуправлялся», что имѣніе разорилъ, а самъ едва не угодилъ въ тюрьму.

Наѣзжая въ Варшаву, онъ сорить деньгами, крупно играть въ сельско-хозяйственномъ клубѣ.

Впрочемъ, послѣ одной маленькой, но неприятной сценки на глазахъ у всѣхъ, онъ прекратилъ свои посѣщенія, перебравшись въ другой, менѣе аристократическій клубъ.

Ему очень хотѣлось познакомиться съ большимъ магнатомъ графомъ Орловскимъ.

Разлѣтѣвшись къ графу, Павелъ Осиповичъ представился:

— Колонна-Быдлинскій.

Магнатъ, улыбувшись, послѣ нѣкоторой паузы небрежно и нехотя протянулъ ему руку, отчеканивъ:

— Пирамида-Орловскій...

Ровно въ одиннадцать, Тихорѣцкій распахнулъ дверь и пропустить въ кабинетъ Роксанова и графа Меранвиль-де-Сентъ-Кларъ.

Первымъ впечатлѣніемъ Быдлинскаго было:

— Неужели это — «человѣкъ изъ подъ моста»?..

Твердой походкой, высоко неся маленькую, породистую голову съ соколинымъ профилемъ, входилъ красавецъ-брюнетъ съ подстриженными черными усиками, въ костюмѣ, хотя и не первой свѣжести, но ловко облегавшемъ стройную, съ тонкой талией, фигуру.

— Очень радъ познакомиться съ вами, графъ — приподнялся изъ за стола Колонна, и неся свой большой животъ навстрѣчу, указалъ рукою на кожаное кресло, — садитесь, пожалуйста!

А вы, Роксановъ, побойтесь тамъ о чьемъ-нибудь съ Тихорѣцкимъ.

— Вы, пожалуй, заинтригованы, графъ, моимъ желаніемъ познакомиться съ вами? Сдѣлать я это по двумъ причинамъ: первая — мнѣ нуженъ еще второй секретарь, такъ какъ одинъ Тихорѣцкій не можетъ справиться съ обиліемъ текущихъ дѣлъ. Да, кромѣ того — на васъ у меня особые виды. Какіе — поясню вамъ немного позже... А, вторыхъ, когда-то, еще въ семнадцатомъ вѣкѣ, мы, Колонна, были въ родствѣ съ Меранвилями... понимаете... голосъ крови, такъ сказать...

Графъ молча, выжидательно склонилъ голову, не выразивъ ни отрицанія, ни удивленія.

— Вы, если не ошибаюсь, кирасиръ Ея Величества?

— Такъ точно.

— Я встрѣчался въ Петербургскомъ обществѣ съ вашимъ командиромъ. Онъ вышелъ вмѣстѣ съ полкомъ на войну. Такой крупный блондинъ... дай Богъ памяти...

— Генералъ Араповъ, — подсказать Меранвиль.

— А этотъ знаменитый скакунъ, такое ставное русское лицо въ рябинахъ...

— Генералъ Плѣшковъ. Онъ теперь въ Холливудѣ, экспертомъ по русскимъ военнымъ постановкамъ...

— Скажите... Чудесно, вѣроятно, зарабатываетъ!.. Какъ же, какъ же, Плѣшковъ... А теперь, графъ, нескромный вопросъ: неужели ваше имя, связи, воспитаніе и прошлое гвардейскаго офицера, не могли вамъ обезпечить чего-либо лучшаго, нежели... нежеліи, — онъ не хотѣлъ сказать «ночлегъ подъ мостомъ», — нежеліи того положенія, въ которомъ вы очутились?..

— На это, господинъ Колонна, я вамъ отвѣчу словами, не помню чьими: «Въ каретѣ прошлаго далеко не уѣдешь»... Не чужбинѣ старья цѣнности не въ фаворѣ... Да, въ началѣ я и не могъ жаловаться. У меня было недурное мѣсто переводчика въ Трансатлантической пароходной компаніи. Началось гоненіе на иностранцевъ и я, въ буквальномъ смыслѣ слова, очутился «за бортомъ»...

— Да, это печально... Ну, а что же ваши родственники по французской линіи? Маркизь Луи, живущій въ своемъ средневѣковомъ замкѣ на Луарѣ? Герцогиня Гортензия съ ея отелемъ возлѣ Булонскаго лѣса? — Быдлинскій перечислилъ еще нѣсколько родственниковъ своего знатнаго собесѣдника, за полчаса передъ этимъ вычитанныхъ въ «Готскомъ Альманахѣ».

— Откуда вы ихъ всѣхъ знаете? — спросилъ Меранвиль.

— Я же вамъ сказалъ — «голосъ крови». Итакъ, неужели они не позаботились о вашей судьбѣ?..

— Ихъ забота выразилась въ томъ, что я два дня прогостилъ въ замкѣ маркиза Луи, пообѣдалъ у герцогини Гортензии и... вотъ и все....

3 На кончикѣ пера...

Завтракая, Павелъ Осиповичъ, какъ и всегда, впрочемъ, ѣлъ много, жадно и неопратно.

Челюстями оъ работать, какъ бульдогъ съ громкимъ чавканьемъ...

И, по мѣрѣ того, какъ удовлетворялъ Колонна свое чревоугодіе, его сиреневый жилетъ постепенно украшался жирными пятнами отъ соусовъ...

— Ну вотъ, перейдемъ къ условіямъ и, такъ сказать, къ самой сути вашей новой службѣ... Но сначала скажите мнѣ, графъ, какой трѣнъ жизни повели бы вы, имѣя возможность тратить въ мѣсяць, ну... скажемъ... тысячь десять франковъ?

— Откровенно говоря, — первое время, по крайней мѣрѣ, — я жадно отдался бы удовольствіямъ, — и, какъ бы оправдываясь, Меранвиль добавилъ, — вѣдь у меня, у всего нашего поколѣнія, молодости не было... Въ тринадцатомъ году я вышелъ въ полкъ, въ четырнадцатомъ — началась война. Потомъ три года

борьбы съ большевиками на югѣ Россіи, эвакуация, скитанія, нужда, пороку нищета...

— Вѣрно, вѣрно, — соглашался Павелъ Осиповичъ, — мы хоть пожили въ свое время, а ваша трагедія — трагедія молодыхъ людей безъ молодости... Ну, ничего... наверстаете! Я же задать вамъ этотъ вопросъ вотъ почему:

Главнымъ условіемъ моимъ будетъ именно то, чтобы вы жили въ свое полное удовольствіе. Выѣжайте въ общество, посѣщайте премьеры театровъ, скачки, сами дѣлайте прогулки верхомъ въ Булонскомъ лѣсу, ну... однимъ словомъ, — и встрѣтивъ недоумѣвающимъ взглядъ своего собесѣдника, Быдлинскій пояснить, — читаю на вашемъ лицѣ вполне логическій вопросъ: хватитъ ли на все это вашего секретарскаго жалованія?..

Будьте спокойны — хватитъ!.. Я положу вамъ десять тысячъ въ мѣсяць. Мало этого, я позволю моему портному и онъ одѣнетъ васъ, начиная съ фрака и смокинга и, кончая спортивнымъ костюмомъ для верховой ѣзды... Чудаки, благодѣтели, скажете вы?.. Ни то, ни другое: Тихорѣцкій нуженъ мнѣ для конторы, а вы — для свѣтскихъ знакомствъ, связей и, почему знать, быть можетъ, для весьма богатыхъ перспективъ, связанныхъ со всѣмъ этимъ.

Постучавъ ножомъ о тарелку, Быдлинскій велѣлъ вошедшему лакею принести бумаги и чернильный приборъ.

Мы съ вами напишемъ маленькое условіе тесла, благодаря мнѣ, или черезъ мое посредничество, вы сдѣлаетесь, вполне легально, конечно, обладателемъ крупной суммы, — то ли въ деньгахъ, то ли въ недвижимости или драгоценностяхъ, — я, Павелъ Осиповичъ Колонна-Быдлинскій, директоръ «Дѣловаго Кабинета», 2 плясъ Сентъ-Огюстенъ, въ Парижѣ, дѣлаюсь собственникомъ пятидесяти процентовъ, вышеуказанныхъ матеріальныхъ цѣнностей...

Возьмите перо, я вамъ все это продиктую... а отсюда мы поѣдемъ прямо къ нотаріусу для засвидѣтельствованія этого документа...

Рука Меранвилля, потянувшаяся вмѣстѣ съ перомъ къ чернильницѣ, задержалась было на полъ-дорогѣ... Какія-то смутныя колебанія, сомнѣнія остановили ее... Кто онъ, что за человѣкъ, этотъ съ наигранной медовой любезностью, толстякъ?.. Авантюристъ, или, можетъ быть, что-нибудь похуже?.. А вся эта странная комбинація съ фантастическимъ «десяти тысячнымъ», секретарствомъ?..

Но недолго колебается графъ: тонкій завтракъ, изысканная вина, нарядная атмосфера моднаго ресторана, все это дѣйствовало такъ опьяняюще и такъ манило соблазнительный миражъ беззаботно блестящей жизни, нарисованный Быдлинскимъ, что всѣ колебанія тотчасъ же погасли и Меранвиль «твердо» забѣгалъ по бумагѣ перомъ, на кончикѣ котораго вмѣстѣ съ чернильной каплей, висѣла его судьба...

4. Богатая невѣста.

Донья Педроза Магаль пріѣхала изъ Аргентины въ Европу съ двойной цѣлью:

Пріобрѣсти въ Берлинѣ новѣйшія модели усовершенствованныхъ мясорубокъ, а въ Парижѣ — выдать замужъ за какого-нибудь титулованнаго аристократа свою девятнадцатилѣтнюю дочь, Мануэлу.

Съ Берлиномъ было уже покончено: купленные машины сдѣловати по назначенію въ необъятномъ трюмѣ океанскаго парохода, а парижскій планъ вдовы архимитионера только, только намѣчатся.

Донья Педроза унаслѣдовала отъ мужа гигантскую фабрику консервовъ, сотни тысячъ головъ рогагого скота и такія же сотни тысячъ гектаровъ тучныхъ пастбищъ...

Жестянки подъ всемірно извѣстной кличкой «Золотой Быкъ» въ теченіе четырехъ лѣтъ войны снабжали мясной пищей миллионныя арміи Европы, увеличивая не по днямъ, а по часамъ и безъ того крупное состояніе аргентинскаго скотовода, чуть ли не въ самый день «армистиса» перешедшаго въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ ни консервовъ, ни быковъ, ни стирпной доньи Педрозы...

Въ своемъ апартаментѣ у Рицца, маленькая, полная аргентинка съ чудовищными брилліантами въ ушахъ, кутаясь въ яркую испанскую шаль, приняла Колонну-Быдлинскаго...

Онъ былъ, на этотъ разъ, весь въ черномъ и держалъ на котѣняхъ цилиндръ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ прямо со свадьбы. Тоже дѣло моихъ рукъ, донья Педроза: я выдалъ дочь статнаго короля Смиса за эрцгерцога Сальватора Габсбургскаго... Но, не будемъ заниматься чужими браками, поговоримъ о женихѣ, для вашей прекрасной дочери. Я уже предупредилъ васъ, въ нашъ послѣднее свиданіе, это вещь далеко не легкая!.. Кромѣ титула, необходимы еще и порядочность, и воспитаніе... Я, въ этомъ отношеніи очень строгъ и требователен!.. Изъ моихъ горячихъ симпатій къ вамъ, уважаемая донья Педроза, я, на этотъ разъ, побилъ всѣ свои собственные рекорды... Не женихъ, — а подлинная жемчужина...

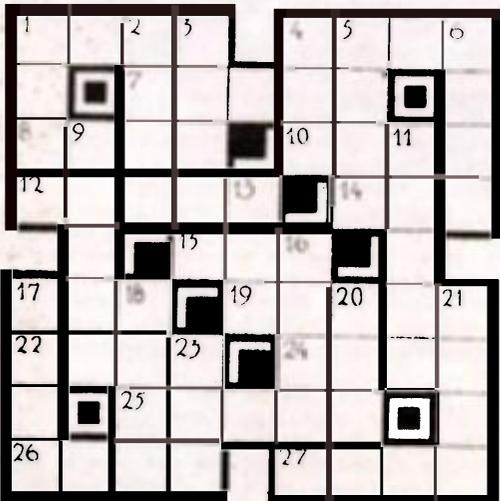
— Кто же это?.. Кто?.. Вы меня заинтриговали, — и, дѣйствительно, заинтригованная мамаша отъ нетерпѣнія заерзала въ креслѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Н. Н. Брешко-Брешковскаго.

КРЕСТОСЛОВИЦА

ЗАДАЧА № 505

Горизонтально:

1. Напитокъ. 4. Рѣка въ Россіи. 7. Центръ пропаганды. 8. Възлюбленое обращеніе въ Алжирѣ. 10. Героиня Ибсена. 12. Уменьшительное женское имя. 14. По немъ определяется качество собаки. 15. Вызовъ. 17. Приятный человѣкъ на кораблѣ. 19. Грузинское имя. 22. Сынъ Дедала. 24. Турецкое имя. 25. Женское имя. 26. Руководящий центръ. 27. Открыто.

Вертикально:

1. Слабый крикъ. 2. Одна изъ стихій. 3. Дерево. 4. Рѣка, названіе которой часто употреблялось во время великой войны. 5. Кража четвероногихъ. 6. Божество на востокъ. 9. Происхожденіе рѣки. 11. Посуда. 13. Восточное имя. 16. Женское уменьшительное имя. 17. Спиртной напитокъ. 18. Наказаніе. 20. Библейскій прародитель. 21. Числительное. 23. Невольникъ.

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ №№ 503 и 504.

ПЕШН КРОМЕ
А ПОГРОМ М
РОЛС АЛИСА
УХА СПЪУР
СУВЕНИР Н
Л НОВА ИС
ЕКО БА ИТО
ПАСХИ УМЫТ
О ПОЗДНО Н
СПАЗМ ФНАЯ

ЛОПИТИРИМ
ИНДОЛЪКО
ПОМОЛОБАР
АСЛОДЕРЕ
ЛОПЦ
КРОНАХБА
РЕМРИТОР
ЕНОХОТН
ГОРНИСТО

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Приводимъ условия, на которыхъ допускается участіе читательницъ и читателей «Иллюстрированной Россіи» въ нашемъ почтовомъ ящикѣ:

1. Хотя предложенія вступить въ переписку будутъ печататься подъ инициалами — Редакция должна имѣть въ своемъ распоряженіи точныя фамиліи и адреса.
2. Письма, поступающія на имя объявителей, будутъ пересылаться по назначенію только въ томъ случаѣ, если отправитель не живетъ въ томъ городѣ, что и адресатъ.
3. Редакция оставляетъ за собою право не печатать такія предложенія, которыя по духу своему, содержанию или стилю не соотвѣтствуютъ задачамъ «Почтового Ящика».
4. На пересылку писемъ — прилагать французскія марки (для лицъ, живущихъ внѣ Франціи), международный почтовый купонъ со штемпелемъ.

За помѣщеніе объявленія установлена цѣна въ 20 франковъ за три раза. (или 14 международныхъ почтов. купоновъ со штемпелемъ).

TOUJOURS SEUL, 38 л., интелл., им. постоянную службу, хотѣлъ бы перепис. съ особой среднихъ лѣтъ жив. во Франціи. 451

Разыскивается Борисъ Эдуардовичъ Леманъ, б. офицеръ арміи Деникина. Москвичъ. Пр. лицъ, зн. о его судьбѣ, сообщ. въ ред. «И. Р.» 455

Разыскиваю есаула Ксенигъ Евдокима Титовича, ур. гор. Ейска, Кубанской области. Пр. откликнуться по адр.: Legionnaire Nicolas Taranetz, 11 e-nie, 4 Elranget, Poste Zilmi, Maroc. 471

Лицъ знающихъ мѣстопребываніе семьи Dramez — Emile, Marthe, Marcelins, Jean et Florentine, прос. сообщ. по адресу: M-me Rotulo, Route Forestière de Jardy, Chaville (S. O.) 482

Лицъ, знающихъ мѣстопребываніе Николая Башкирова, служ. въ Крыму въ 13-ой артиллер. бригадѣ 13-ой дивизіи, просить сообщить его адресъ: Mr. Koudrjachoff Basile, 11, cité de Pusy, Paris 17-e. 483

Разыскиваю Неустровыхъ: Олыу, Александра, Владимира, Софію, Надежду и Любовь. Прошу сообщить: Бѣградъ, Кр. Драгутина 8. Вѣрф Назаревской. Югославия. 488

Лицъ, знающ. что-либо о судьбѣ Владиміра и Александра Михайловичей Колесниченко, прош. напис. по адресу: Cap. Guerra 1939, 4 Reg. Etr. C. M-2 par Agadir militaire Afeni, Maroc Occidental. 489

Интеллигентн. русская средн. лѣтъ, любящая семейн. уютъ и дѣтей, хотѣла бы переписыв. съ интеллигент. соотечеств., имѣющимъ хотя бы небольшой, но постоянный заработокъ.

«АМЕКО» мол., интеллигентн. дама, один. жел. переписыв. съ серьезн. господ. жив. въ Австраліи, Канадѣ или въ др. стран. 482

ДАМА-ШАТЕНКА, прожив. въ одномъ изъ Европейскихъ государствъ, интеллигент., 30 лѣтъ (не французенка и не модерна), въ теченіе послѣдн. лѣтъ находящаяся на государств. службѣ — желаетъ переписываться

съ интеллигентн. господ., матеріально обезп., не моложе 35 лѣтъ, любящ. дѣтей и тих. сем. жизнь Отвѣчу на каждое серьезное письмо. Желательна краткая біографія. Тайна гарантирована. 483

СЕРЬЗНАЯ МОЛ. ДОМА симпатичн., хор. воспит., жел. переписыв. съ серьезн. цѣлью съ б. офиц., интеллигентн., приятной наружн., имѣющ. опредѣл. служ. или шиф. такс. 480

Солідный, интеллигентн. господинъ, 50 л., жел. вступ. въ переписку съ русск. дамой, около 45 л., склонной къ сел.-хоз. труду и тот. въ ближ. время выѣхать въ Парагвай. 482

Дама изъ Прибалтики, несостоят., но симпатичн., образов., вдова, 36 л., не «модерна», съ 13-лѣтнимъ сыномъ, жел. переписыв. съ серьезн. цѣлью съ одиноч., интеллигент., чутк., трезвымъ господиномъ, любящ. семейн. уютъ. 482

Одинокій, православный, прожив. въ Парижѣ, очень хорошаго характера, 52 л. жел. войти въ переписку съ дамой, съ серьезн. цѣлью. Национ. безразлична. 482

Русскій парижанинъ, б. добровольч. офицеръ, представит., 32 л., хотѣлъ бы переписыв. съ русск. дѣвушк. для серьезн. цѣли, проживающей предпочтит. въ Польшѣ и хотя бы немного обезпеч. 484

Русская англичанка: 29 л., одинокая, симпатичная, серьезн., трудолюб. и хор. хозяйка, желала бы, путемъ переписки, познакомиться съ русскимъ лѣтъ 35-50. Желат. тих. права и любящаго сем. уютъ. Интеллигентность и матеріальн. полож. никакого знач. не имѣютъ. 484

Бывшій офицеръ 38 л., соверш. одиноч. обезпеч. постоян. службой на зав., вблизи Парижа, жел. вступ. въ переписку съ дѣвушк. или вдовой, думающ. о тих. семейн. жизни. Цѣль серьезн. Тайну переписки гарантирую. 486

РУССК. ЭМИГР. правосл., бывш. офицеръ, высш. образ., 41 г. на видѣ 35. Чрезвыч. солідное полож. во Франціи. Просить откл. русск. дѣв., вдову лучш. общества, высок. хорошо слож., симпат., изящ., культ., не старше 30 л. Очень желат. хорош. пианист. Имѣю шан. Отв. серьезн., обстоят. письм. съ фотогр., кот. возвр. Соверш. конфеденц. 486

Атласъ Пѣшкомъ — капралъ въ легионѣ, по волѣ судьбы вѣчный студентъ. Блонд., высок., 24 лѣтъ, религіозн., изъ интеллигентн. семьи, полный силъ и энергии, никогда не теряющ. надеждъ; — хотѣлъ бы переписыв. съ русск. дѣвушк., дамой или разведен., религіозн., нелегкомыслен. и интеллигентн. Отв. на кажд. письм. Фотогр. обязат. 488

К. Е. Миловидн. дама, хорошей семьи, ср. лѣтъ, жел. вести переписку съ интеллигентн., симпатичн. человѣкъ, не моложе 40 л., обезп. или имѣющ. хорош. службу. Отв. только на серьезн. предл. 488

Русскій серьезный господинъ 40 лѣтъ, жел. вступ. въ переписку съ дамой или дѣвицей, прожив. предпочтительно во Франціи и хотя бы немного обезпечен. Возр. отъ 32 до 38 л., склонной къ сел.-хоз. труду и готов. въ ближ. время выѣхать въ Парагвай. Национ. безразлична. 488

Серьезн. мол. даму контора «И. Р.» прос. сообщить немедленно свой точный адресъ, чтобы выслать, поступившую для нея корреспонденцію.

ТРЕБУЕТСЯ СТЕНО-ДАКТИЛО, знающая бухгалтерію, для завѣдыванія магазиномъ, не старше 30 лѣтъ. Серьезная рекоменд. Хорошее знаніе фр. языка ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Etablissements BLACK-RED, 22, Av. Alfortville, CHOISY LE-ROY (Seine), Tél.: 667.

Русская КОНСЕРВАТОРІЯ въ Парижѣ

Россійскаго Музыкальнаго Общества

26, Avenue de Tokio (16), tél.: Kléber 82-54.

Почетный Предсѣдатель С. В. Рахманиновъ.
Почетные профессора А. К. Глазуновъ и Н. К. Метнеръ.
Директоръ кн. С. Волконскій.

Пріемъ учащихся съедневно отъ 2 до 7 ч. в.
Плата 100-150 фр. въ мѣс. — Дѣти 75-100 фр.

11-ый
УЧЕБНЫЙ
ГОДЪ

11-ый
УЧЕБНЫЙ
ГОДЪ

ВЪ ОКТЯБРЬ
ТИРАЖЪ LOTERIE NATIONALE
Приобрѣли ли вы уже билетъ?

ФРАНКО-РУССКАЯ КЛИНИКА д-ра Г. ЭТТИНГЕРА
 168-ter, AV. DE NEUILLY, Neuilly s/S. — TEL.: MAILLOT 95-50.
 Постоянные кровати. При клинике круглые сутки находится врач. Консультация извест-
 ных профессоров. Плата за содержание стационарных больных от 40 фр. в
 сутки. Прием рожениц. Тщательный уход. Полный комфорт. Рентгеновский каби-
 нет. Ультра-фиолет. лучи. Световые ванны. Haute fréq. Диатермия. Курсь обмена и
 частичнаго худѣнія. Справки лично и письменно по первому требованію.

Профессоръ
Е. М. Вайнштейнъ
 АКУШЕРСТВО и ЖЕНСК. БОЛ. (ХИРУРГІЯ)
 4, SQUARE THIERS (ул. 155, av Victor-
 Hugo), Passy 80-30.
 Приемъ отъ 5-7 час. и по соглас.

Пар. Ун. **Марія Ник. СОПРУНОВА**
 Д-ръ Мед. Моск. Ун. Берд. Ун. кл. пр. Штрасмана.
 ЖЕН. БОЛ. и АКУШЕРСТВО. Еж. 2-4 ч.
 11, Av. Motte-Picquet. Ségur 69-74.

Д-ръ ХМЪЛЕВСКІЙ Импер. Москов.
 Унив.
 ВЕРНУЛСЯ
 Внутр. и нервн. бол. 12-2 и 6-8 час.
 36, rue Fondary-NV, Suffr. 43-90
 M^o Commerce et Motte-Picquet

Д-ръ мед. М. І. ГАЙДЕБУРОВА
 ГЛАЗНЫЯ БОЛѢЗНИ
 61, rue Falguière, Ség.: 32-30
 Пон., ср., пятн. 5-7, вѣд., четв., суб. 3-5

ВСѢ ВЕДЕТТЫ

Всѣ элегантныя женщины

УПОТРЕБЛЯЮТЪ ТОЛЬКО ЧУДЕСНЫИ

КРЕМЪ КРАСОТЫ Доктора Мюллера

ИЗГОТОВЛЯЕМЫИ ИЗЪ ЧИСТѢЙШАГО МАСЛА
 И НАИЛУЧШАГО ПЧЕЛИНАГО ВОСКА

ЭТОТЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫИ КРЕМЪ ПРИДАЕТЪ ИЗУМИТЕЛЬНЫИ ЦВѢТЪ ЛИЦА,
 УНИЧТОЖАЕТЪ ПРЫЩИ ВЪ НѢСКОЛЬКО ДНЕИ, А МОРЩИНЫ ВЪ ТЕЧЕНИЕ
 4-5 МѢСЯЦЕВЪ И РАСХОДУЕТСЯ ВЪ 10 РАЗЪ ЭКОНОМНѢ ВСЯКИХЪ ДРУ-
 ГИХЪ КРЕМОВЪ.

Высылка одного тюбика съ доставкой на домъ:

Во Франціи 8 франковъ. За-границей 10 франковъ.

При заказѣ прилагать деньги въ заказномъ письмѣ или чекомъ и адресовать:

**SERVICE DE LA PUBLICITE « LA RUSSIE ILLUSTREE »,
 24, Rue Clément-Marot PARIS (VIIIe)**

Ставь во главѣ О-ва Nike.

известнаго своими первоклассными продуктами,
СЕРГѢИ ХРИСТОФОРОВИЧЪ МИССИРОВЪ

доводить до свѣдѣнія своихъ уважаемыхъ клиентов о перемѣнѣ адреса.
BATON ANTIRIDES — испытанное средство противъ морщинъ.

Внѣ конкуренціи — **Rouge à lèvres.**

Всѣ Produits de beauté высшаго качества.

21, Bd de Grenelle, Paris (15e).

Tél.: Suffren 35-39.

БОЛЬШОЕ ПОНИЖЕНІЕ ЦѢНЪ • Посылайте продукты въ Россію

ГАРАНТИРУЕМЪ КАЧЕСТВО И ДОСТАВКУ
 ВЪ РОССІЮ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 15 ДНЕИ

НЕОБХОДИМѢЙШЕ ПРОДУКТЫ:

Чистый вѣсъ посылки до 8,5 кило

Цѣны за кило со
 всѣми безъ исклю-
 ченія расходами.

Мука пшеничная	4.70
Манная крупа	7.—
Гречневая »	5.—
Перловая »	4.25
Пшено	3.90
Рисъ 1 сортъ	9.—
Макароны, вермишель	7.—
Сахаръ-рафинадъ	9.50
» песокъ	8.50
Молоко сгущен. 1000 гр.	12.—
Масло сливочн.	21.—
» подсолнечное	12.—
Сыръ Швейцарскій	24.—
Сало топленое	22.—
Колбаса	26.—
Грудника	19.—
Шпроты 300 гр.	8.—
Кильки 400 гр.	9.—
Скумбрія 250 гр.	4.50
Какао 250 гр.	16.—
Шоколадъ плитками 200 гр.	10.—
Чай 200 гр.	19.—
Кофе Мокко 1 кило	45.—
Мыло хозяйств.	10.—
Печенье 500 гр.	7.—
Варенье 500 гр.	7.—

Заказы и деньги могутъ высылаться :
 « La Russie Illustrée », 24, rue Clément-
 Marot, VIIIe — наличными, чекомъ или поч-
 товымъ мандатомъ, или взносомъ на нашъ
 почтовый текущій счетъ № 671-81.

Если вы хотите помѣстить Ваше объявленіе
 въ «Иллюстрир. Россію», позвоните по тел.
 BALZAC 19-52 и къ Вамъ немедленно
 явится агентъ отд. объявленій.

Новые двойные тиражи 1934 г.

ФРАНЦУЗСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛОТЕРЕЯ

	Фр.
1 выигрыш _____	5.000.000
20 выигрышей по _____	1.000.000
40 выигрышей по _____	300.000
80 выигрышей по _____	100.000
400 выигрышей по _____	50.000
400 выигрышей по _____	25.000
4.000 выигрышей по _____	10.000
40.000 выигрышей по _____	1.000
400.000 выигрышей по _____	200

Кромѣ сего установлено 61 утѣшительныхъ выигрыша:

39 билетовъ того же номера, что выигравшій 5 миллионовъ, но всѣхъ остальныхъ 39 серий, **ВЫИГРЫВАЮТЪ** по 100.000 фр. каждый.

2 билета той же серии, что выигравшій 5 миллионовъ, но на одинъ № больше и на одинъ № меньше, **ВЫИГРЫВАЮТЪ** по 50.000 фр. каждый.

20 билетовъ, имѣющихъ тотъ же номеръ, что выигравшій по 1 миллиону, по другихъ 20-ти серий, **ВЫИГРЫВАЮТЪ** по 50.000 фр. (1 милл. выигрываетъ одинъ номеръ двадцати определенныхъ серий, а остальные серии этого же номера — по 50.000).

ВСЕГО 445.002 БИЛЕТА ВЫИГРЫВАЮТЪ 240.000.000 франк.

Нашимъ читателямъ мы продаемъ

КНИЖКИ (10 билетовъ) _____	за 1.000 франковъ
БИЛЕТЫ: цѣлый билетъ _____	100 »
Участіе въ 1/4 » _____	25 »
1/10 » _____	10 »

За границу на пересылку, почтовые расходы и гербовыя марки взимаются отдѣльно по каждому заказу 5 фр.

Выдача заказываемаго немедленно

Таблицу выигрышей послѣ тиража помещаемъ въ ближайшемъ №.

СТОИМОСТЬ ПРИНИМАЕТСЯ ВО ФРАНЦИИ ЧЕКОМЪ-ПЕРЕВОДОМЪ, ЧЕКОМЪ ИЛИ ВЗНОСОМЪ НА **CHEQUES POSTAUX 671-81, PARIS.**

ЛИЦА, ЖИВУЩІЯ ЗА-ГРАНИЦЕЙ И НЕ ИМѢЮЩІЯ ВОЗМОЖНОСТИ ПОСЛАТЬ ФРАНКИ ИЛИ ЖЕ СТОИМОСТЬ ТАКОВЫХЪ ВЪ ДРУГОЙ ВАЛЮТЪ, МОГУТЪ НАМЪ ПОСЫЛАТЬ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОЧТОВЫЕ КУПОНЫ С О Ш Т Е М П Е Л Е М Ъ ИЗЪ РАСЧЕТА 1 КУПОНЪ = 1 1/2 ФРАНКА.

Всю корресп. направлять по адресу : «**LA RUSSIE ILLUSTRÉE**», 24, rue Clément Marot, Paris (8e).